

«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»

МЕХАНИЧЕСКАЯ ПТИЦА

Себастьян де Кастелл

Творец Заклинаний

Себастьян де Кастелл
Механическая птица

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

де Кастелл С.

Механическая птица / С. де Кастелл — «Эксмо»,
2018 — (Творец Заклинаний)

ISBN 978-5-04-090691-8

У Келлена есть немного магии, парочка карточных финтов и выдающаяся способность влипать в сомнительные истории. В Семи Песках не найти семнадцатилетнего парня, чья голова стоила бы дороже, чем его собственная. К счастью, есть друзья, готовые в любой момент спасти его от верной смерти, – аргоси Фериус Перфекс и белкокот, самый надёжный товарищ и деловой партнёр. Рейчис уж точно его не предаст! Разве что... за горячую ванну или тарелку сдобного печенья... Оказавшись в Гитабрии, городе великих научных открытий, Фериус, Келлен и Рейчис узнают, что на днях открывается Большая Выставка, на которой представят диковинное изобретение – механическую птицу. Но никто не знает, что у механического чуда есть секрет и изобретательница Джануча хранит его очень тщательно. Птичка сотворена с помощью приграничной магии и чего-то ещё... того, что делает её живой... Но почему она так опасна? Почему женщина из раза в раз допускает одну и ту же ошибку в чертежах и почему она готова на всё, чтобы и дальше хранить свою тайну?

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-090691-8

© де Кастелл С., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Механическая птица	7
Дискорданс	7
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Творец амулетов	31
Память	31
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	53
Глава 17	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Себастьян де Кастелл

Механическая птица

Sebastien de Castell

Charmcaster

Text copyright © Sebastien de Castell, 2018

Text illustrations copyright © Sam Hadley, 2018

© Куклей А. Л., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Ральфу Макинерни.

Лет двадцать тому назад он сделал несколько магнитофонных записей с нелепо-милым названием: «Давайте напишем мистический роман».

Он был лучшим наставником писателя, какого я встречал.

Механическая птица

Дискорданс

Те, кто хочет стать аргоси, сперва должны понять, что мы – не пророки и не предсказатели будущего. В наших картах нет магии. Мы просто странники. А колоды, которые мы носим с собой, – это всего лишь обычные карты.

Каждая масть символизирует одну из человеческих культур, а каждая карта – властные структуры общества.

Если в структуре общества происходят изменения, меняются и наши колоды. Возникают конкордансы. Они показывают то, что есть сейчас.

Но когда аргоси находят нечто – то, чего не должно быть, но оно существует и может изменить ход истории, – приходится нарисовать новую карту. Дискорданс. Это предупреждение и призыв, обращенный ко всем аргоси. Ведь до тех пор, пока истинная сущность дискорданса сокрыта, будущее остается... непредсказуемым.

Глава 1

Молния в пустыне

– А я ведь знал, что так и будет! – посетовал Рейчис.

Он вспрыгнул ко мне на плечо, спасаясь от молнии, которая раскалила песок в каких-то десяти футах от нас. Когти белкокота проткнули мою мокрую от пота рубашку и впились в кожу.

– Да ну? – сказал я, стараясь не обращать внимания на боль и пытаюсь унять дрожь в руках. То и другое получалось с переменным успехом. – Может, в следующий раз, когда за нами погонится ищейка, ты предупредишь заранее? До того, как лошади взбесятся и скинут нас посреди пустыни?

Раздался еще один удар грома, и земля под ногами ощутимо вздрогнула.

– О! И если не трудно, сообщай об опасности до того, как с чистого неба полетят молнии.

Рейчис молчал, явно пытаюсь придумать какое-нибудь достойное оправдание. Белкокоты – никудышные лжецы. Они отличные воры и искусные убийцы, но вот врать не умеют совсем.

– Я хотел посмотреть, заметишь ли ты все это сам. Проверял тебя. Да, именно так. Проверял! А ты облажался.

– Эй, вы, сладкая парочка. Еще не забыли, что мы собирались устроить ловушку? – сказала Фериус Перфекс.

Она стояла на коленях в нескольких футах поодаль, закапывая в песок что-то острое и блестящее. Волнистые рыжие пряди падали ей на лицо. Хотя эта странная буря по-прежнему бушевала вокруг нас, ее движения оставались плавными и точными. Что ж, уже не в первый раз мы превращались из охотников в добычу. И теперь требовалась хорошая ловушка. Устроить засаду на мага джен-теп – дело непростое. Никогда не знаешь, какие формы магии имеются в его распоряжении. Железо, огонь, песок, шелк, кровь, дыхание... У противника может быть сколько угодно заклинаний, способных тебя убить. Вдобавок стоит учитывать, что у мага порой имеются помощники – слуги или наемники, которые прикроют его спину и сделают грязную работу.

– Давай помогу тебе с ловушками. Быстрее пойдет, – предложил я Фериус, тщетно стараясь выкинуть из головы неприятные мысли. Например, сколькими разными способами я могу умереть в ближайшие минуты.

– Нет. И перестань так на меня пялиться.

Она встала, отошла на несколько ярдов и снова опустилась на колени, чтобы закопать в песок очередной шипастый шарик. Или хрупкий стеклянный цилиндр, наполненный сонным газом. Или что там еще было в ее арсенале.

– Тот парень, что гонится за нами, может сотворить одно из своих драгоценных заклинаний, использовать магию шелка, чтобы выяснить наши планы. А твоя голова распухла от мыслей, малыш. Он прочитает их, даже не напрягаясь.

Как же она меня раздражает!

Фериус была аргоси – одной из тех загадочных фокусниц, которые странствовали по континенту, пытаюсь... На самом деле я и по сей день не понимал толком, чем они занимаются. Ну, кроме того что бесят всех окружающих. Хотя я не слишком-то надеялся стать аргоси, я пытался понять устремления Фериус. Ведь только так я и мог выжить. Не сказать, чтобы Фериус помогала мне в этом, предлагая, к примеру, «слушать глазами» или «хватать пустоту».

Рейчису, ясное дело, нравилось, когда Фериус меня чихвостила.

– Она права, Келлен, – протрещал он, восседая на моем плече, – лучше бери пример с меня.

– Имеешь в виду, что у тебя в голове вовсе нет никаких мыслей?

Он зарычал – негромко, но зато над самым моим ухом.

– Это называется «инстинкт», глупый голокожий. Магам шелка трудно меня читать. И, к слову: знаешь, что подсказывает инстинкт прямо сейчас?...

Еще одна молния прорезала небо и врезалась в вершину дюны над нами. Песок зашипел, от него поднялось облачко дыма. Меня чуть удар не хватил. Будь у нас с Рейчисом более теплые отношения, мы, наверное, вцепились бы друг в друга изо всех сил. А так он просто укусил меня за ухо.

– Извини. Инстинкт.

Я дернул плечом, сбрасывая белкокота. Он раскинул лапы; перепонки натянулись, Рейчис мягко спланировал на землю и одарил меня угрюмым взглядом. С моей стороны было мелочно вот так его скинуть. Я не мог винить Рейчуса за его реакцию на громовой раскат: у него был пунктик относительно молний, огня и... ну, вообще любого врага, которого нельзя укусить.

– Как он это делает? – спросил я.

Сухая буря посреди пустыни, под безоблачным небом. Это казалось нереальным. Да, при помощи шестой формы магии огня можно было создать электрический разряд, который был очень похож на молнию, но его выпускает из рук маг, он не просто возникает в небесах. Вдобавок магу нужно видеть цель, чтобы сотворить такое заклятие. В тысячный раз я посмотрел на дюну, раздумывая, когда же противник появится на вершине и обрушит огонь на наши головы.

– Три дня этот маг висел у нас на хвосте, и мы ничего не можем сделать, чтобы он отцепился. Почему он не оставит нас в покое?

Фериус криво ухмыльнулась.

– Полагаю, хочет получить награду за твою голову, малыш. Какая бы там кучка магов ни внедряла в людей своих обсидиановых червяков, этим ребятам не нравится, что мы болтаемся тут и уничтожаем плоды их трудов.

Вот и еще одна опасность. Сама мысль об обсидиановых червях внушала мне отвращение. Это были своего рода магические паразиты. Помещенный в глаз человека, такой червь позволял магу контролировать жертву на расстоянии. Мы с Фериус и Рейчисом провели последние полгода, выслеживая учеников известной Академии, которые, сами того не зная, мало-помалу превращались в шпионов, замышляющих что-то против собственных семей. Или хуже того – в убийц.

– И когда мы успели подвизаться спасти мир от обсидиановых червей? – спросил я, сдвигая шляпу на затылок и утирая лоб рукавом.

Хотя воздух был сухим, я отчаянно потел. Черная шляпа, которая была мне чересчур велика, не слишком спасала ситуацию. Эту шляпу я забрал у моего коллеги – меткого мага по имени Дексан Видерис – в качестве компенсации за то, что он пытался меня убить. Он уверял, что серебряные иероглифы на ней помешают другим магам выследить меня. Но – как и все прочее, что говорил Дексан, – это, похоже, было враньем.

– Не мы подвизались, а я, – ответила Фериус. – Все предельно просто. Аргоси должны бороться с напастями, из-за которых страдают простые люди. Кучка придурков джен-теп убивают членов влиятельных семей по всему континенту. Это может закончиться войной. Поэтому ситуация требует, чтобы я в нее вмешалась.

Внезапный порыв ветра сорвал с головы мою немагическую шляпу. Я ринулся было за ней, но тут же плюнул на это дело. Глупости никогда не доводят до добра.

– Было бы очень мило, если б кто-нибудь предложил помощь. А то все только и делают, что пытаются нас убить, – буркнул я.

Фериус стремительным движением поднялась на ноги и оглядела пустыню.

– Да, сейчас все выглядит не очень-то здорово.

Я обернулся, пытаюсь понять, о чем это она, и увидел в отдалении стену песка футов сто высотой, несущуюся по воздуху.

– Эй, теперь тут у нас будет песчаная буря? – пробурчал Рейчис. Он встряхнулся, и его шерсть изменила цвет. Обычно темно-коричневая с черными полосами, сейчас она стала серовато-бежевой, похожей на приближающееся облако песка и пыли. Теперь белкокот вполне мог слиться с пейзажем, став незаметным, – если б того пожелал. Очевидно, именно так он и собирался сделать, если дела пойдут совсем плохо. Белкокоты не сентиментальны.

Облако приближалось, и я размышлял, какая смерть предпочтительнее. Быть похороненным под тоннами песка, получить удар молнии или погибнуть от темной магии? Не очень-то веселенькие перспективы, но так оно обычно и бывает, если ты – изгой, твой наставник – карточный фокусник, твой деловой партнер – белкокот, и куча магов желают твоей смерти. Ах да, и сегодня, кажется, мой семнадцатый день рождения.

– Что будем делать? – спросил я.

Фериус, не отрывая взгляда от несущегося на нас песчаного облака, отозвалась:

– Думаю, тебе надо поглубже вдохнуть, малыш.

Глава 2

Глубокое дыхание

Всякий раз, когда на нашу троицу кто-нибудь напал (а это случалось, к сожалению, часто), у каждого из нас были свои задачи. Фериус расставляла ловушки, готовила оружие и пускала в ход всякие ухищрения аргоси, которые помогали нам выжить. Рейчис занимался разведкой и использовал свое острое обоняние, чтобы учуять приближающегося врага.

А я?... Моя задача была – дышать поглубже. У Фериус в арсенале множество хитростей и уловок, а Рейчис – это ходячая помесь острых зубов, длинных когтей и абсолютной беспринципности. У меня же лишь один навык, который может пригодиться в подобной ситуации: немного магии дыхания плюс ловкие руки и два вида порошков в мешочках, спрятанных в поясе. Я знаю не так много заклятий, зато научился действовать быстро. И не важно, насколько силен маг-противник, если ты врежешь ему до того, как он сотворил свое заклинание. Беда в том, что порой у меня дрожат руки. Или я, простите, потею, и порошок прилипает к пальцам. И тогда я стою дурак дураком – с обожженными руками и смущенной физиономией. Вот поэтому-то...

Дыши.

Расслабься.

Не обращай внимания на молнии и песчаную бурю. Вспомни то, что узнал за годы обучения. Представь врага, стоящего на вершине дюны. Представь, как бьешь его заклинанием, прежде чем он ударит тебя...

Я почувствовал укол боли в правом глазу – словно от порыва ледяного ветра. Я потер тыльной стороной ладони, пытаюсь избавиться от этого ощущения. Как правило, проблемы доставлял левый глаз – из-за отметин Черной Тени вокруг него. Ну, и еще потому, что именно из-за него наемники регулярно пытались меня убить. Можно подумать, Черной Тени мне было мало! Так нет же. Примерно с полгода назад во втором глазу засела сасуцеи – дух воздуха, решившая там поселиться. А магия шепота до сих пор была мне в новинку, и мне не представлялось возможным взять духа под контроль.

– Проклятие! Я пытаюсь сосредоточиться!

Странно, но боль ослабла. Я сделал глубокий вдох и снова попытался представить, что вижу преследователя. Расслабив мышцы, я рисовал перед мысленным взором картинку: вот я достаю порошки, кидаю их в воздух и – в тот миг, когда они соединяются, – делаю магический жест, творя заклинание и производя взрыв...

– Ох! Прекрати!

– В чем дело, малыш? – спросила Фериус.

– Дурацкий дух в глазу опять разбушевался!

Фериус подошла ближе, прищурилась.

– И давно сасуцеи безобразничает?

Сюзи – так Ферус нарекла сасуцеи.

– Да с тех пор, как этот проклятый маг гонится за нами. Каждый раз, стоит мне подумать о...

Я заткнулся, услышав ворчание Рейчуса. Он вскинул морду, принюхиваясь. В его глазах я увидел предвкушение и ожидание, а не страх – более понятный и уместный для животного в подобной ситуации. Уголки его рта приподнялись в подобии ухмылки.

– Пришло время драки!

Новые молнии ударили в дюну – одна, другая, третья. Ветер усиливался. В воздухе кружился песок, ухудшая видимость и заполняя мир вокруг нас серыми тенями. Одна из этих

тений появилась на вершине дюны. Фериус ухватила меня за плечи и толкнула вниз, прижимая к земле.

– Подождите, пока он не приблизится. – Слова Фериус были едва слышны за ревом бури. – Пусть враг сам идет к нам.

– Глупые двуногие, – буркнул Рейчис, но подчинился.

Мы скорчились на земле. А с вершины дюны уже спускался худошавый человек, прикрывая лицо, чтобы защитить его от ветра и кружащегося в воздухе песка. На нем был длинный походный плащ и выдавшая виды шляпа, похожая на мою собственную. Станный наряд, вообще говоря: обычно те, кто приходит меня убить, стараются сделать это с шиком и блеском. У ног незнакомца я увидел какое-то четвероногое животное – собака или, может, большая кошка...

– Гиена! – проворчал Рейчис, нюхая воздух и скаля зубы. – Ненавижу гиен!

Белкокот снова принюхался и наклонил голову набок. Вид у него был слегка озадаченный.

– В чем дело? – спросил я.

– Что-то не так. Этот голокожий и его шавка воняют страхом.

– Нас боятся?... – с сомнением уточнил я.

Ответ я получил, когда маг достиг подножия дюны, пробежал мимо нас и исчез в бушующем шторме. Пару секунд спустя на гребне песчаного холма показались еще четыре фигуры – мужчины и женщины, облаченные в длинные развевающиеся одежды из светлого льна. Одежания берабесков. Что ж, мы сейчас были в их землях.

Берабески размахивали изогнутыми мечами и кистенями с шипастыми шариками. Они двигались быстро, но вместе с тем грациозно, переступая по песку без малейшего труда.

– Правоверные берабески... – пробормотала Фериус, когда пустынные жители пробежали мимо. Обычно любые слова, слетающие с ее губ, звучали насмешливо. Но сейчас в голосе Фериус слышался страх.

– Что значит «правоверные»? – спросил я.

Она глянула в ту сторону, где маг исчез в тучах кружащегося песка.

– Для этого несчастного придурка? Худший на свете способ умереть.

Глава 3

Дух воздуха

– Что ж, проблемой меньше. – Рейчис встряхнулся. Теперь, когда он поднимался по склону дюны, его шерсть снова изменила цвет, став ярко-рыжей с золотистыми полосами.

– погоди! – окликнул я его.

Белкокот и не подумал притормозить.

– Не-а. Раз уж за нами никто не гонится, какой смысл торчать посреди занюханной пустыни?

В обычной ситуации я бы с ним согласился. На самом деле, учитывая, как сильно я ненавижу пустыню, я, наверное, первым делом предложил бы отсюда убратся. Но что-то меня беспокоило – будто какой-то зуд. Ощущение, когда очень хочется почесаться, но ты не можешь дотянуться...

Я оглянулся назад – туда, где еще бушевала, но уже утихала мало-помалу песчаная буря. И охотники, и их жертва исчезли из поля зрения.

– Эти правоверные берабески... Почему они гонятся за магом джен-теп?

Рейчис смерил меня уничижающим взглядом. Примерно таким же, каким смотрел на ворон, когда те раздражали его.

– Понятия не имею. И не советую догонять их, чтобы спросить. – Он почесал за ухом. – Предпочту поискать, где бы принять ванну. У меня в шерсти полно песка.

– Что он там болтает? – спросила Фериус.

Я перевел.

– Белкокот прав, – заметила она, собирая свои силки и ловушки. – Правоверные – самые жестокие и хладнокровные убийцы. В этой части мира магия – то же самое, что служение дьяволу, и правоверные чувят ее. Когда берабески покончат с тем бедолагой, помолись, чтобы они не унюхали тебя, малыш.

Честно сказать, верилось с трудом. У меня едва хватало способностей на несколько слабеньких заклятий магии дыхания. Вот потому-то столь многие маги охотно на меня нападали. А теперь к ним прибавится еще и куча религиозных фанатиков?

– Такое впечатление, будто весь мир меня ненавидит!..

– «Меня»! – передразнил Рейчис. – Только и слышно: «я, я, я»! Почему речь всегда о тебе, Келлен? Почему мы никогда не говорим о белкокотах? Не потому ли, что большинство из них погибли? И убили их твои соплеменники!

Я ощутил укол стыда. Рейчис почти никогда не вспоминал, что его сородичи умерли от рук мага нашего клана. А всякий раз, когда я спрашивал, не хочет ли он поговорить о потерянной семье, Рейчис меня кусал. Больно.

Фериус саркастично усмехнулась.

– Не все ненавидят тебя, малыш. Еще есть целые страны, где ты не бывал, и там живут люди, которые о тебе вообще не знают.

– Ладно, а теперь я начинаю ненавидеть вас обоих, – пробурчал Рейчис. – И я хочу жрать. Так что если никто не готов отдать мне на ужин свое ухо, то пошли уже вон из этой пустыни и поищем какой-нибудь городишко, где умеют готовить сдобное печенье.

И белкокот снова принялся энергично – и безуспешно – вытряхивать песок из шерсти.

– А он прав, – сказал я Фериус. – Нам сейчас следует быть в Гитабрии и спасти последнюю оставшуюся жертву обсидиановых червей. Тем более она не охотилась за нами три дня напролет. Если тот маг нарвался на религиозных фанатиков с их жгучим желанием... э... жечь людей, тогда лучше уж он, чем мы.

Наверное, прозвучало не слишком-то благородно, но альтернатива выглядела гораздо хуже.

Я снял свою шляпу с чахлого куста, на котором она повисла, когда ветер сорвал ее с головы.

– Давайте выбираться отсюда и...

Боль. Опять эта боль. Я потерял правый глаз, потому что его вновь кольнуло.

– Да хватит уже меня терзать, сумасшедший дух воздуха!

Фериус подошла и отвела мою руку, заглядывая в глазницу – так, словно надеялась рассмотреть выглядывающую оттуда сасуцеи.

– Такое впечатление, будто Сюзи хочет тебе что-то сказать, малыш.

– Ну да, – буркнул я. – Не иначе, намекает, что мне пора вырвать глаз.

– Давай я вырву? – деловито предложил Рейчис. А потом рыкнул на Фериус – на случай если она не уловила суть его пожелания.

В отличие от меня, Фериус не могла перевести ворчания, щелканья и порывивания белкокота на человеческий язык, но она уже достаточно долго общалась с Рейчисом, дабы узнать его гастрономические пристрастия.

– Все твое, что ты сможешь забрать, животное, – отозвалась она.

А мне, разумеется, сказала:

– Дыши глубже, малыш.

Было ясно, что сасуцеи не отстанет, пока я не обращу на нее внимания, так что пришлось подчиниться. Магия шепота не похожа на чародейские практики моего народа. Наша магия строится на использовании шести источников силы, и мы призываем энергию с помощью узоров, вытатуированных металлической краской на наших предплечьях. Сотворение заклинания требует четко произнесенной словесной формулы и выверенного жеста. И они должны безукоризненно сочетаться со сложным геометрическим конструктом чар, который мы рисуем перед мысленным взором.

Что же касается магии шепота – тут в основном применяется... ну... шепот. Это не управление энергией, а, скорее, что-то типа молитвы, вызывающей духов. Может, поэтому мои соплеменники и относятся к такой «магии» с известным пренебрежением.

– Ладно, Сюзи, – пробормотал я, – показывай, что там у тебя.

Я медленно выдохнул, выпуская из легких поток воздуха – он был словно река, по которой скользили крохотные деревянные кораблики, сделанные больше из эмоций, нежели конкретных мыслей. Каждый «кораблик» был посланием для духа. Не знаю, какие слова я произносил; очень трудно отследить это, когда из всех сил стараешься не думать. Так или иначе, прошло несколько секунд – и боль исчезла. Теперь казалось: кто-то осторожно дует мне в глаза.

Я открыл их и понял, что мир передо мной словно бы раскололся надвое. Левым глазом я по-прежнему видел дюну, и горы в отдалении, и Фериус, застывшую в ожидании, и обеспокоенного Рейчиса. Правый же глаз заглядывал в самое сердце песчаной бури...

– Келлен, ты в порядке? – спросил белкокот. – У тебя один глаз словно бельмом затянуло. – На морде Рейчиса появилось брезгливое выражение. – Пожалуй, я расхотел его есть.

Не обращая на него внимания, я сосредоточился на видениях, которые показывала мне сасуцеи. Шторм бушевал вокруг меня, кидая в лицо песок и пыль, хотя я не мог этого почувствовать. То, что я видел, происходило далеко от нас, посреди бури. Четверо правоверных берабесков, сражаясь с яростным ветром, преследовали свою жертву, мало-помалу догоняя ее. Маг был даже более худым, чем я сам, и на пару дюймов ниже ростом. Если он не сможет уничтожить врагов при помощи заклинаний, то уж защититься от них голыми руками – и подавно.

– Они почти догнали его, – сказал я вслух. – А зверь – гиена – упал и больше не движется.

– Хорошо, – пробормотал Рейчис. – Надеюсь, мерзкая тварь сдохла.

Белкокошки не только не сентиментальны. Сочувствия от них тоже не дождешься.

Я прикрыл левый глаз, чтобы полностью сосредоточиться на видении, разворачивающемся передо мной.

– Маг пытается поднять гиену, но враги слишком близко. Они начинают... постойте-ка... Он что-то кидает в них.

Я в изумлении наблюдал, как под ноги барабескам упала деревянная коробочка – маленькая, не больше моей ладони. В тот миг, когда коробочка коснулась земли, она открылась, и из нее вырвалось яростное пламя, ударив во все стороны разом.

– Что там? – спросила Фериус. – Какое-то оружие?

«Плененный огонь, – подумал я. – Маг, должно быть, творец амулетов».

Рейчис толкнул меня головой.

– Ну, что там?

– Он творец амулетов. Это... ну...

Как объяснить аргоси и белкокоту хитрые сложносочиненные связи между магическими дисциплинами?

– Ну как-то так: настоящий маг может творить заклятия по своей воле. Через татуировки он создает связь с сырой магией и колдует, пока в узорах остается энергия. Меткий маг вроде меня способен использовать лишь малую толику магии, так что мне приходится сочетать ее с другими средствами. А творец амулетов не создает заклинания как таковые, он привязывает их к каким-то предметам. Некоторые заколдованные вещи очень просты – например, замки с сигнализацией или волшебные фонари; они не требуют много магии, а работать могут долгие месяцы или даже годы. Но есть и более сложные...

– Вроде долбаной молнии из ниоткуда? – перебил Рейчис.

– Именно. Чтобы «привязать» бурю, нужно потратить много времени и сил, а использовать ее можно лишь единожды, и она вряд ли продолжится больше часа.

Укол боли в правом глазу дал понять, что сасуцеи требует снова сосредоточиться на видении.

– Плененный огонь не сработал. Барабески схватили мага. Трое связывают его, но... – Я осекся, не вполне понимая, что там происходит.

– Ну? – подстегнула меня Фериус.

Я опять сосредоточился, силясь рассмотреть детали.

– Но его связывают как-то странно. Привязали веревки к лодыжкам и запястьям, а потом эти же веревки связали друг с другом. Так, что руки и ноги раскинуты в стороны, а веревки как бы образуют круг, обводящий мага...

– Ритуал обречения, – мрачно прокомментировала Фериус. – Барабески проводят его, чтобы очистить землю от кощунства, совершенного безбожником.

– Как? – спросил я.

– Медленно. И кроваво. – Голос Фериус звучал тихо и хрипло. А потом я услышал шорох песка под ее ногами. – Надо что-то с этим сделать.

Я открыл левый глаз и увидел, что Фериус куда-то направилась. Только вот она шла не в ту сторону.

– Безумная аргоси идет напрямик в бурю? – спросил Рейчис.

– Стой! – крикнул я Фериус. – Ты же сказала, что эти правоверные опасны!

– Именно так, малыш, – отозвалась она, не замедляя шага. – А я потом припомнила, что говорил ты.

– Я? А что я...

Фериус притормозила. Застегнула плащ и надвинула шляпу на глаза, защищая лицо от ветра и песка.

– Уже забыл? Ты говорил: почему никто не поможет нам вместо того, чтобы пытаться убить. Знаешь, это работает в обе стороны.

– Ты шутишь? Хочешь, чтобы мы рисковали жизнями из-за той моей дурацкой идеи? Фериус смерила меня взглядом. На губах ее играла усмешка, но в глазах плескалась тревога.

– Похоже, у тебя в голове полно дурацких идей, малыш.

Она отвернулась и продолжила свой путь – в ту сторону, где неистово бушевала песчаная буря, предоставив мне и Рейчису решать самим, пойти ли за ней или бросить на верную смерть.

Я поплелся следом за Фериус. За спиной Рейчис орал, угрожал и предлагал не рассчитывать на него, когда меня будут казнить.

«О, предки, – безмолвно молился я. – Когда я возрожусь в следующей жизни, позвольте мне вспомнить одну мысль из этой: встретив аргоси, поворачивайся и беги прочь как можно быстрее».

Глава 4

Вежливая беседа

Несмотря на слепящий глаза яростный ветер и летящий в лицо песок, нам не пришлось долго искать правоверных берабесков. Каким-то чудом мы даже сумели заметить их раньше, чем они нас. Теперь нужно было просто вести себя тихо, пока не придумаем, как вызволить мага...

– Отличная погода! – весело сказала Фериус, тем самым начисто лишив нас преимущества. – Самое то, что нужно для пикника и приятной беседы.

У Фериус Перфекс множество дурных привычек. Я так до сих пор и не смог понять, являются ли они неотъемлемой частью пути аргоси или же Фериус просто обладает очень своеобразным чувством юмора. Но так или иначе объявлять четверым берабескам о нашем присутствии, чтобы предложить им приятную беседу, было кошмарной идеей.

– А я знал, что так будет, – проворчал Рейчис.

Обменявшись парой коротких реплик, берабески единогласно решили отказаться от нашего приглашения на чай и беседу. А еще они быстро сориентировались в ситуации. Двое поволокли неподвижного мага в глубь бури, а еще двое направились к нам.

Фериус вздохнула.

– Никто в наше время не готов просто поговорить и спокойно обсудить ситуацию.

– Спасибо за это всем богам, – буркнул Рейчис, отряхиваясь.

Его шерсть снова приобрела коричневый отлив. Очень удобно: среди бури белкокота почти не было видно. Однако маленький брюзга имел самомнение размером с полконтинента, а потому сделал свои полосы темно-красными, дабы показать, что он тоже не лыком шит.

– Ну, идите сюда, голокожие!

Двое охотников не заставили долго себя упрашивать. Широкоплечая женщина, приближаясь, вынула из ножен меч. На конце изогнутого трехфутового лезвия поблескивал острый крюк.

– Это казхан, – сказала Фериус. – Постарайся не порезаться.

– А?

– Он очень острый.

– Спасибо! Чрезвычайно полезная информация.

– И еще, – продолжала Фериус, – берабески часто заливают внутрь ножен яд местных змей. Если попадет на кожу, будет очень больно.

Ладно, я и не собирался допускать, чтобы этот меч коснулся меня.

Мужчина был стройнее своей спутницы и более смуглым. На первый взгляд он вовсе не имел оружия. Так казалось, пока он не остановился футах в двадцати от нас. Лишь тогда я увидел блеск металлических накладок на его пальцах. Накладки заканчивались сверкающими остриями.

– Тъязханы, – сказала Фериус. – К ним тоже не желательно прикасаться.

– Дай-ка угадаю. Они отравленные?

– Как ни странно – нет. По крайней мере, не в том смысле, к которому мы привыкли.

– Тогда что...

– Наш Бог милосерден даже к неверным, – проговорил мужчина. – И потому я должен предложить вам шанс выжить.

Он говорил на дароменском наречии, но с сильным акцентом. Мы с Фериус были одеты как жители приграничья и более всего походили на дароменских пастухов.

– Пусть он дарует вам покой и любовь, пребывайте в мире, – ответила Фериус с необычным официозом в голосе. Она так делает порой. По большей части Фериус изъясняется как

пьяная картежница, но иногда ее красноречию и витиеватым фразам может позавидовать и придворный дипломат.

– И вам мир, – ответил мужчина с ноткой удивления в голосе. – В самом деле, мир может высоко цениться. – Он указал на землю. – Вы должны опуститься на колени и склонить головы, дабы Бог узрел, что вы почитаете его и пришли не затем, чтобы вмешаться в его промысел.

Фериус пожала плечами, словно бы извиняясь.

– Прости, глубокоуважаемый, но, когда я склоняю голову, мои глаза не видят путь впереди, а если я стою на коленях, то не могу идти туда, куда указывает сердце.

Эти слова, казалось, изумили двух берабесков, но лишь на миг.

– Аргоси, – сказала женщина. Скорее, выплюнула это слово.

Фериус ухмыльнулась.

– Самая обычная и ожидаемая реакция, правоверная.

Мужчина начал проявлять признаки нетерпения.

– Задавай свой вопрос, странница. Мы не ищем ссор с аргоси.

Фериус сделала шаг вперед и демонстративно огляделась по сторонам.

– Вы далеко ушли от своих храмов, глубокоуважаемые. Ближе к границе Гитабрии, чем к святым местам. Какое преступление совершил этот маг, что вам пришлось устроить столь долгую охоту?

– Ересь, – ответили в унисон двое правоверных.

– Для этих ребят все – ересь, – прошептала мне Фериус.

Потом она снова обратила взгляд на берабесков.

– На свете есть семьсот и семьдесят семь ересей, глубокоуважаемые. Не могли бы вы сказать поточнее?

Это, как казалось, впечатлило мужчину.

– Ты сведуща в нашей жизни, поэтому я отвечу тебе. Он обвиняется в колдовстве.

Прежде чем Фериус успела ответить, он поднял руку. Металлические наконечники накладок на пальцах тускло поблескивали в свете неяркого дня, затененного бурей.

– И прежде чем ты спросишь: из восемнадцати форм бесовства он совершил наихудшее. Это – колдун-изгой.

– Проклятие! – прошипела Фериус сквозь зубы.

– Так плохо? – спросил я. – То есть хуже, чем остальные семьсот семьдесят шесть ересей?

– Берабески ненавидят магов. Но чаще всего не рискуют спровоцировать войну просто ради удовольствия укокошить одного из них. Однако мага-изгоя можно казнить безбоязненно, не опасаясь карательных мер.

– Ну, тогда ясно, почему никто не рвется спасти этого парня, – раздраженно сказал Рейчис. – Это ж каким надо быть мерзавцем, чтобы от тебя отсекся собственный народ? И чтобы они натравили на тебя своих врагов?

Он глянул на меня со странным выражением на морде. Я расценил его как легкое смущение.

– Ну, твой случай, конечно, особый, – прибавил белкокот.

Фериус встретилась взглядом с правоверным.

– Вы идете темной тропой, глубокоуважаемые, проводя ритуал обречения без суда. Какие у вас есть доказательства, что этот маг...

Женщина начала было возражать, но ее спутник снова поднял руку.

– Успокой свою совесть, аргоси. Этот еретик был глуп. В городе, в трех днях езды отсюда, он называл свое имя каждому, кто желал слушать. – Он бесстрастно кивнул себе за спину – туда, куда его товарищи утащили мага. – Человек, которого мы казним сегодня, не кто иной, как печально известный изгнанник джен-теп. Келлен из дома Ке.

Глава 5

Изгнанник

– Ладно, признаю, – сказал Рейчис, когда мы стояли в боевой стойке напротив двух правоверных берабесков, – такого я не ожидал.

– Вы совершили ошибку, глубокоуважаемые, – сказала Фериус тем же спокойным, почти веселым тоном, как и прежде.

На берабесков это не произвело особого впечатления. Женщина с мечом что-то сказала спутнику на своем языке. Я понятия не имел, о чем она толкует, но, по сути, это было что-то вроде: «Эй, давай уже прикончим этих неверных, казним пленника, а потом можно будет спокойно распивать чай и мило беседовать с их отрезанными головами».

– Преклоните колени, просите прощения, и тогда мы сможем сохранить вам жизнь, – сказал мужчина, приближаясь к нам. – Наша миссия – казнить Келлена из джен-теп, а не убивать заблудившихся путников.

– Эх! – сказал Рейчис, припав к земле в преддверии атаки. – Это все было бы забавно, если б нам не грозила неминуемая смерть.

Женщина взмахнула изогнутым мечом – так, словно он ничего не весил. Лезвие прорезало воздух со свистом, слышимым даже сквозь рев бури.

– Человек из народа этого колдуна – тоже маг – пришел к нам на переговоры. Он уверял, что мы должны избавить мир от этого богохульника.

– Что за маг? – спросил я. – Кто вас нанял, чтобы...

– Это сейчас не важно, малыш, – шепнула мне Фериус.

– Бог велит вам склонить головы, – сказала женщина. Ее меч выделывал в воздухе все более угрожающие узоры. – Ему не будет никакого дела, если мы вырвем вам руки из плеч.

Фериус это не испугало.

– Простите меня, глубокоуважаемая, но, возможно, это вам сейчас придется взглянуть на ситуацию с другого бока.

Миг спустя она покосилась на меня, и вид у нее был слегка разочарованный.

– Это был намек, малыш.

– Что? О, точно!

Я сунул руки в мешочки и вынул по щепотке порошков – не так много, чтобы правоверных разорвало на куски, но достаточно, чтобы произвести впечатление. Правда, ветер дул не в ту сторону. Если он кинет порошки мне в лицо, аккуратно когда они взорвутся, возникнет проблема.

– В любой момент, – пробормотала Фериус.

Я дождался порыва ветра, дунувшего в нужном направлении, и бросил порошки в воздух. За миг до того, как порошки соединились, я сотворил обеими руками магические жесты. Указательный и средний пальцы направлены на врагов; безымянный и мизинец прижаты к ладони для сдерживания энергии, а большой палец поднят в небо... Когда-нибудь все-таки надо выяснить, что означает эта последняя часть жеста...

– Караф! – произнес я, когда появились первые сполохи красного и черного пламени, – и заклинание заработало.

Два огня вспыхнули в воздухе, в нескольких дюймах от голов противников, оставив после себя запах серы и крови.

Правоверные замерли. Затем мужчина коротко, но учтиво поклонился.

– Твоя черная магия так же великолепна, как и твое благородство, неверный. Если бы ты захотел, то мог убить при первой же атаке.

– Именно, – буркнул Рейчис, одарив меня недобрый взглядом. – Идиот.

– Теперь вы видели, на что мы способны, – сказала Фериус. – Так почему бы нам всем не...

Мужчина провел пальцами с металлическими когтями по внутренним сторонам рук. Острые наконечники вспороли кожу, и по локтям побежали струйки крови.

Фериус обернулась ко мне.

– Малыш, еще огня. Живо!

Быстрый, как гремучая змея, я кинул порошки и сотворил заклятие во второй раз, а берабеск тем временем сложил руки вместе, прижав друг к другу окровавленные предплечья. Воздух перед ним замерцал. Мой двойной огонь потух в футе от берабеска.

– Мы – правоверные, – объявил он. – Думаешь, наш Бог отправил нас на поиски богохульников без благословения? Без защиты от их глупой магии?

Не помню, говорил ли я об этом раньше, но боец из меня никудышный. Если не считать одного слабенького заклятия и нескольких трюков, выученных во время странствий, моя обычная стратегия защиты – получать по морде и ждать, когда Фериус меня спасет.

– Проклятие! – сказала она, когда ее стальные карты ударились о щит крови, сотворенный берабеском. – Теперь это уже просто нечестно.

– Длань Бога защищает нас от вашего оружия, – отозвалась женщина, приближаясь. Ее изогнутый казхан выписывал в воздухе восьмерки. – И волею Бога ваш бессмысленный путь окончится здесь, когда вы захлебнетесь в крови.

Она сделала быстрый выпад и взмахнула мечом, едва не задев шею Фериус. Аргоси кувыркнулась назад – неуклюже, как мне сперва показалось. Но тут же Фериус перевернулась в падении и встала на ноги, метнув во врагов еще одну пару стальных карт.

И снова мужчина с металлическими когтями сложил руки вместе; снова замерцал щит, прикрывая берабеска и его напарницу. Карты упали на песок. Фериус достала из недр плаща короткий стальной посох. Одно движение запястья – и он раздвинулся, став почти двух футов в длину.

– Около сорока секунд, – сказала она мне.

– Что?

– Их щит, малыш. Примерно столько длится его действие. Ты не обратил внимания?

И как, скажите на милость, я должен замечать подобные вещи, когда меня пытаются убить?

– Итак, до моего ужина осталось... примерно тридцать шесть секунд, – пробормотал Рейчис, переползая по песку, чтобы позволить противнику зайти во фланг. Его неприметные движения были бы, пожалуй, более эффективны, если бы он перестал при этом бахвалиться.

Широкоплечая женщина снова взмахнула мечом, целя в Фериус, и та снова поднырнула под клинок, пытаясь оказаться за спиной правоверной. Но мечница была слишком быстра, и Фериус опять пришлось отступить.

А мне хватало своих проблем. Не знаю уж, по случайности ли, или согласно каким-нибудь странным гендерным правилам берабесков, но мужчина выбрал своим противником меня. Он шагнул вперед и ухватил меня за лицо. Я отшатнулся – и тут же понял, что ботинки увязли в песке. Ничего не оставалось, как шлепнуться на пятую точку – единственный способ избежать встречи с пятью стальными когтями, грозившими испортить мне внешность. И так-то уже не идеальную из-за отметин Черной Тени, которые меня не украшали.

Мужчина встал надо мной. Его лицо выражало одновременно сочувствие и легкое отвращение. На его взгляд, очевидно, я не представлял никакой, даже мало-мальской угрозы.

– Не двигайся, мальчик.

– Ладно, – сказал я.

Интересно, сорок секунд уже прошли? Очень трудно уследить за временем, когда тебя пытаются убить. Я решил рискнуть и полез за порошками. Может, я и не великий боец, но

я потратил немало времени, тренируясь использовать свое порошковое заклинание из самых разных позиций. В том числе – неудобных и неуклюжих.

Моя атака была быстрой, отлаженной и прицельной... но, к несчастью, несвоевременной. Взрыв растекся по щиту за две секунды до того, как тот потух. Мужчина снова взмахнул когтями. Я откатился – быстрее, чем сам от себя ожидал, – и все бы хорошо, если б не боль от пяти наконечников, вонзившихся в спину сквозь ткань рубашки. Когда я поднялся и повернулся к врагу лицом, на стальных остриях багровела кровь. Моя кровь.

– Встань на колени и поклонись, – сказал он. – В следующий раз мои тьязханы вонзятся тебе в горло.

Я начал отступать. Или по крайней мере подумал, что отступаю. Оказалось: я вообще не двигаюсь. Я просто стоял на песке и не мог заставить собственные ноги пошевелиться. Мужчина поднял руку. Он собирался меня убить. Обычно этого хватает, чтобы ноги вспомнили, как нужно двигаться... На сей раз – не хватило. И вот интересный факт, который я узнал, проведя год в изгнании: твой мозг никогда по-настоящему не свыкается со страхом. То есть, конечно, ты приучаешься к идее постоянно бояться, но всякий раз, когда кто-то пытается тебя убить, все летит в тартарары.

– Тебе нравятся когти? – пробурчал Рейчис. – Попробуй мои!

Он прыгнул на врага, расставив лапы, и широко разинул пасть, показывая клыки. В отличие от меня, Рейчис в драке быстр и смертоносен. До этого момента я не видел, чтобы кому-нибудь удавалось увернуться от него. Однако берабеск сумел, уклонившись с невероятной ловкостью. Когда же он снова оказался ко мне лицом, стальные когти еще ярче окрасились кровью.

– Рейчис! – завопил я.

Белкокот приземлился на песок футах в десяти поодаль. Он вскочил, но его задняя лапа подломилась. Он издал рычание, которое для большинства людей прозвучало бы, как выражение дикой ярости, но я знал, что ему больно и страшно.

Берабеск, видимо, решив, что Рейчис более опасен, шагнул к нему.

– Не трогай его! – заорал я.

Ноги наконец-то начали слушаться, и я попытался ухватить мужчину за плечо. Почти небрежно он повернулся и наотмашь ударил меня по лицу. Острия задели левую щеку, по скуле потекла кровь. Берабеск смотрел на меня, прищурившись, с любопытством и, пожалуй, даже некоторой симпатией.

– Ты готов умереть ради зверя?

Отвечать мне не пришлось. Порыв ветра кинул в нас тучу песка, временно ослепив обоих. Наша схватка происходила чуть в стороне. Я понятия не имел, где сейчас Фериус и не встретила ли наконец моя наставница-аргоси врага, которого не смогла переиграть.

Рейчис рычал, пытаясь подняться и прыгнуть мужчине на спину, но раненая нога мешала ему. На него было жалко смотреть. Фериус говорит, что когда дела плохи – совсем плохи, – то остается решить, умереть ли, стоя на ногах или на коленях. Вот тут у тебя совершенно свободный выбор. Ты можешь рискнуть всем, потому что уже нечего терять и страх больше не сдерживает тебя.

Фериус очень глупая.

– На колени, – сказал берабеск. – Обещаю: смерть будет быстрой.

Впрочем, может быть, Фериус в чем-то и права.

– Да пошел ты, говнюк, – отозвался я. – Давай-ка лучше станцуем.

Глава 6

Второй талант

Второй талант аргоси называется «арта эрес», что значит – «изящная оборона» или, как говорит Фериус, «танец». Когда она сражается, это похоже на воду, бурлящую в водовороте – Фериус кружится, изгибается, все время остается в движении, действует плавно и гармонично, даже когда колошматит противников. Когда то же самое делаю я, это выглядит совершенно иначе.

– А ты не трус, – признал берабеск, когда я каким-то образом ухитрился проскользнуть под его рукой и ударить по почкам.

Ну, можно гордиться, учитывая обстоятельства. И все, чего мне это стоило – еще один кровавый след на моем теле, теперь на груди.

Мы снова отскочили друг от друга. Мужчина покачал головой.

– Однако ты – безбожник и глупец. Ради чего ты жертвуешь собой? Ради колдуна, которого даже не знаешь. Колдуна, захваченного в плен врагами, которых тебе не победить. Он все равно что мертв. Ты отдаешь жизнь ни за что.

Ладно, этот парень в чем-то прав.

– Хорошо. Я сдамся.

– Да?

– Конечно, – ответил я. – Как только надеру тебе зад.

Я шарахнулся вправо, потом влево, стараясь избежать встречи со стальными когтями берабеска, и ударил ногой по земле, кинув песок ему в лицо. Он увернулся и попытался схватить меня, но я был уже с другого бока. Я изобразил то, что в танцах именуется перебросом – это когда вы хватаете партнера за локоть и протаскиваете мимо себя, чтобы отправить к следующему танцору. В данном случае следующим был Рейчис. Белкокот не мог твердо стоять на лапах, но для такого маневра этого и не требовалось. Пока берабеск пытался восстановить равновесие, Рейчис со всей дури укусил его за лодыжку, до крови.

– Проклятый грызун! – рявкнул берабеск.

Первый существенный урон, который мы ему нанесли с начала драки. Думаю, это разозлило его сильнее, чем боль. Увы, он по-прежнему был больше нас, быстрее нас и более искусен в бою. Рейчис не успел отпрыгнуть – берабеск пнул его, вынудив белкокота отлететь и перекувыркнуться на песке. И я снова побежал на врага, моментально забыв все танцевальные па, ведомый лишь чистой яростью, которая должна была помочь мне нанести сокрушительный удар. Но она не помогла. Берабеск с легкостью уклонился. На этот раз он не ударил когтями, а попытался вонзить их мне в бок – очевидно, намереваясь вырвать почки.

Бывало, Фериус часами заставляла меня практиковаться в народных танцах. Сейчас это спасло мне жизнь. Я вскинул ногу, сделав то, что называется «выкинуть колено». Полагаю, со стороны это выглядело очень глупо, зато я не потерял жизненно важный орган, а всего лишь получил укол в бедро. Почти случайно, уворачиваясь, я засветил локтем в лицо противника. Я приземлился рядом с Рейчисом, который тщетно пытался наброситься на врага.

– Дурацкая раненая нога, – проворчал он. – Не могу достаточно высоко подпрыгнуть, чтобы взлететь.

Я перекатился на спину и вскочил. Снова дунул ветер, подняв в воздух столько песка, что я потерял берабеска из виду. Надеюсь, он меня тоже.

– Зачем тебе взлетать? – спросил я.

– Чтобы показать этому голокожему уроду разницу между грызунами и белкокотами!

Его ничуть не волновало, что с точки зрения зоологии белкокоты – как раз таки и есть грызуны.

– У меня идея! – крикнул я, стараясь переорать ветер. – Правда, она тебе не понравится. Барабеск очухался и снова приблизился к нам – несколько более осторожно, чем раньше. Это, конечно, льстило – но также и значило, что он, видимо, больше не попадет на мои танцевальные уловки.

– Твоя идея получше, чем позволить вонючему двуногому с фальшивыми когтями разорвать нас на клочки? – спросил Рейчис.

– Получше. Хотя ненамного.

Ветер улегся. Пользуясь этим, я выхватил порошки и метнул во врага заклинание. Как и прежде, правоверный вызвал свой необычный щит. Но я целился не в него. Вместо этого двойной огонь ударил в песок под его ногами. В лучшем мире это бы сплывило песок в скользкое стекло, но мой огонь недостаточно жарок. Однако это отвлекло врага, и я успел выполнить основную часть плана: схватил Рейчиса за загривок и подкинул в воздух, как можно выше.

– Ах ты, грязный, мерзкий...

Остальная часть фразы потонула в шуме ветра, который подхватил его как пушинку. Идеально исполнив этот маневр, я перешел к следующему пункту плана: упал на колени и взмолился о пощаде.

Барабеск посмотрел на меня с легкой улыбкой на губах.

– Хотел бы я быть снисходительным, храбрец, но ты ударил правоверного и пытался помешать исполнению нашего священного долга. Более не в моей власти даровать тебе милосердие.

Он поднял правую руку. Окровавленные стальные когти казались необычно яркими в тусклом свете дня. Я сложил вместе ладони.

– Могу я помолиться? Только минутку?

– Молиться твоим ложным языческим богам, когда ты так близок к смерти? Это лишь уведет твою душу дальше по пути тьмы.

– Это не займет много времени, клянусь! – Я склонил голову и заговорил очень быстро. – О, предки, я знаю, что до сих пор не был идеальным магом джен-теп, но, если бы вы могли выполнить одно мое последнее желание, я был бы чрезвычайно благодарен.

– Заканчивай болтовню и со смирением прими правосудие истинного бога...

– Почти готово! – Я еще крепче стиснул пальцы. – Предки, если вы где-то здесь, прошу, пошлите мне с попутным ветром белкокота, чтобы он убил этого гада.

Я поднял взгляд на правоверного.

– Видишь? Было не так и долго.

Замешательство барабеска было вполне понятно, поскольку до этого дня он, вероятно, никогда не встречал белкокотов и не знал, что они могут парить в воздушных потоках. Мой противник выяснил это слишком поздно. Обернувшись, он увидел прямо перед собой яростного рычащего монстра, пикирующего на него сверху.

Рейчис широко расставил лапы. Его перепонки слегка изменили форму, когда он поймал ветер и помчался вперед, как молния, пущенная рукой разгневанного бога. Барабеск вскинул руки, защищая лицо, и повернул кисти, чтобы стальные когти пронзили белкокота. Но Рейчис был искусным летуном: в последний миг он увернулся, пролетев мимо барабеска. Когти передних лап прочертили кровавые борозды на шее мужчины. Правоверный зарычал от ярости и негодования. Кровь из глубоких царапин перемешивалась с песком, кружащемся в воздухе. На сей раз барабеск развернулся далеко не так изящно, как прежде. Он махнул рукой с надетыми на пальцы когтями, но Рейчис уже улетел от него, снова поймав ветряной поток, и исчез из поля зрения.

Я вскочил на ноги. Порезы на бедре болезненно заныли. Я снова кинул порошки и сотворил заклятие. Правоверный был быстр и выставил щит. Однако на этот раз я направил огни

прямо друг в друга, закрыв глаза в преддверии невыносимо яркой вспышки света. Берабеск же ее не ожидал; он знал, что щит укроет его, и не испугался взрыва. И вспышка ослепила его.

– Трус! – выкрикнул он. – Я дерусь с тобой честно, а ты используешь уловки и обман!

– Прости, – сказал я, даже не пытаясь сделать вид, что мне стыдно. – Но уловки и обман – это мой конек.

Вообще-то мне следовало помолчать, потому что берабеск пошел на мой голос и провёл несколько стремительных атак. Любая из них могла кончиться для меня плачевно, если бы противник хоть что-то видел. Но даже это временное преимущество исчезло, когда берабеск проморгался и вперил в меня взгляд.

Проклятие! Слишком быстро!

– Рейчис, давай! – крикнул я.

Правоверный обернулся, вскинув руки, чтобы схватить нападающего, которого не было.

– Извини, – сказал я, вынимая из кармана одну из заточенных карт Фериус.

Четверка дубинок. Не самая сильная карта, но именно ее Фериус дала мне в тот день, когда мы впервые сражались с ней бок о бок. Поэтому карта имела в некотором роде сакральное значение.

– Это был еще один обман, – сообщил я берабеску и резанул его картой по левому боку, мстя ему за порезы.

Однако не за те, которые он нанес Рейчису. Белкокот низринул с небес, словно копье, подхваченное смерчем. Его когти вспороли плоть на спине и плечах мужчины. Рейчис этим не удовлетворился и продолжил, раздирая кожу врага и выкрикивая свои обычные угрозы о глазах, ушах и языках. Никогда не следует злить белкокота.

Теперь, когда Рейчис основательно отвлек берабеска, я готовился к финальному бою. Мужчина повернулся, чтобы схватить белкокота, а я достал порошки, отчаянно надеясь, что на сей раз все сработает как надо. В тот миг, когда правоверный двинулся вперед, я крикнул:

– Рейчис, уходи!

Он притормозил.

– Почему?

– Сорок секунд прошло!

Задней ногой белкокот оттолкнулся от плеча мужчины и отпрянул в сторону. Мои пальцы сотворили магический жест, мой мозг представил нужную магическую фигуру, я направил свою волю на сияющую металлическую татуировку магии дыхания и произнес слово. Я даже вспомнил, что сперва надо вдохнуть.

– Караф!

Несмотря на свои многочисленные раны и царящий вокруг хаос, берабеск почти успел соединить руки, чтобы создать щит. Однако в этот момент два огня – красный и черный – едва не разорвали ему грудь. Он бы умер мгновенно, если бы я не использовал меньше порошка, чем обычно. Хотелось бы верить, что я поступил так из благородства... но скорее всего это вышло, потому что руки у меня дрожали и половина порошка высыпалась на песок. В любом случае, враг упал, потеряв сознание, сильно обожженный, но живой.

– Мне бы не помешала помощь! – крикнул Рейчис.

У него загорелась шерсть. Я подбежал и упал на белкокота, накрыв его своим телом, чтобы сбить огонь. Он потух быстро, слава предкам, и мы с Рейчисом покатались по земле, тяжело дыша и пыхтя. В тот момент никому из нас не было дела, что мы выглядим так, словно обнимаемся.

– От тебя воняет, – сказал белкокот.

– От тебя тоже, – отозвался я.

Прекрасный образчик наших высоких отношений.

Так мы лежали несколько секунд – удивительно мирных, спокойных, прекрасных секунд. А потом чей-то голос сказал:

– Ну, разве вы не милейшая парочка?

Я поднял взгляд. Фериус стояла над нами. Не знаю, как ей удается вот так подкрадываться, но, надеюсь, когда-нибудь она и меня научит.

– Вставай, – сказала она, протягивая мне руку.

Я застонал от боли в спине, в бедре, в... ну, везде на самом деле.

– Эти раны надо обработать. – Она опустилась на колени, чтобы осмотреть Рейчиса. – А белкокоту хорошо бы зашить лапу.

Рейчис зарычал на нее.

– Скажи аргоси, что, если она попытается меня зашить, я ее...

Фериус не то чтобы его перебила – скорее, просто проигнорировала.

– Положи мелкого в переноску и ступай назад тем же путем, которым мы пришли, – сказала она и направилась в сторону бури.

– Стой. А ты куда?

– Там еще двое правоверных, и у них маг. Не очень-то это хорошо – позволить им убить несчастного дурачка лишь потому, что его приняли за тебя.

Фериус прихрамывала на одну ногу, а правая рука безжизненно висела вдоль тела. Ее плащ был весь в прорехах, а на рубашке проступали алые пятна. Я вспомнил, что она говорила о яде, которым правоверные покрывают лезвия мечей.

– Что будем делать? – спросил я Рейчиса, но бедный маленький брызга лежал без сознания.

Я снял рубашку, сделал из нее подобие переноски, как мог аккуратно положил в нее Рейчиса и повесил на шею. Я посмотрел вперед. Следы Фериус уже почти замело песком. Мы оба едва выжили, имея лишь по одному врагу. Фериус была изранена. Как же она собиралась в одиночку драться с двумя противниками?

– Кто бы ты ни был! – пробормотал я себе под нос, бредя следом за Фериус и думая об идиоте – творце амулетов, втянувшем нас в эту переделку. – Кем бы ты ни был, в следующий раз выдавай себя за кого-нибудь другого.

Глава 7

Сомнение

Вышеупомянутый идиот был все еще связан и лежал в странном круге из переплетенных веревок. Двое оставшихся правоверных берабесков громко и с воодушевлением пели молитвы, время от времени широкими жестами указывая на свою неподвижную жертву. Гиена лежала рядом. Она отчаянно грызла стягивающие ее путы, издавая жалобный вой – звук, который пронимал меня до печенок.

Вокруг бушевал ветер, но на этом маленьком пятачке воздух был неподвижен и тих. Мы оказались в самом сердце бури.

Я догнал Фериус в тот момент, когда она громко объявила о своем присутствии.

– Эй, ребята, не пора ли заканчивать вечеринку?

Просто отлично! Она опять не стала от них прятаться. Довольно необычно для Фериус. Но что удивило меня еще больше – неприкрытая ярость в ее голосе. Возможно, это было как-то связано с гексагоном, нарисованном на песке вокруг неподвижного мага, и металлическими шипами, помещенными на каждую из вершин. Шипами, которые – вероятно – правоверные скоро воткнут в человеческое тело. Я припомнил, что мне доводилось читать о религиозных практиках берабесков (или «безумных зверствах», как называла их моя мать). Странная все-таки культура – она не приемлет магию и вместе с тем во многом строится на эзотерических ритуалах.

Двое правоверных обернулись. Один вытащил меч, второй протянул напарнику руки, чтобы тот оцарапал их, и появились кровавые полосы, необходимые для щита.

– Вы победили наших собратьев, – сказал берабеск с окровавленными руками, обернувшись и коротко поклонившись нам. – Ваши таланты достойны восхищения.

Я ожидал от Фериус какого-нибудь ехидного ответа, но она снова заговорила с пафосом:

– Таланты, не знающие истины, – это скверна.

Фраза показалась мне нелепой, но на берабеска она, похоже, произвела впечатление.

– Как всегда! Аргоси говорят вроде бы мудро, но дорого ли стоит мудрость без веры?

– А дорого ли стоит твоя вера, глубокоуважаемый?

Это последнее слово она произнесла с оттенком презрения. Я уже говорил, что Фериус любит раздражать людей без повода?... Второй берабеск, помахивающий своим изогнутым казханом, оскорбился.

– То, что мы делаем – свято. Это воля Бога. Ты будешь насмеяться над ним?

– Сейчас я буду насмеяться над тобой, брат.

– Довольно, – сказал окровавленный берабеск своему напарнику. – Аргоси пытается тянуть время в надежде, что какие-нибудь счастливые обстоятельства помогут ей достичь цели. Давай закончим ритуал, а потом разберемся с язычниками.

В руках Фериус появилась стальная карта, поблескивающая в тусклом свете дня.

– Испытать твою веру очень просто, – сказала она.

Берабеск улыбнулся.

– Если ты желаешь испытывать нашу веру, то ты просто глупа. – Он резко свел вместе предплечья, и снова я увидел мерцание в воздухе. – Само наше служение защищает нас.

– О да, – отозвалась Фериус и прибавила почти рассеянно: – Именно в этом ваша проблема.

Мечник сделал шаг вперед.

– Я покончу с этой болтовней!

– Стой, глупец, – сказал второй. – Она пытается выманить тебя из щита, чтобы напасть.

Фериус кивнула и сказала мне:

– Малыш, когда этот болван подойдет к нам – а он подойдет, – я хочу, чтобы ты как следует отоварил его заклинанием.

Я сунул руки в мешочки и достал по щепотке порошков, красного и черного. Рейчис мутным взглядом посмотрел на меня из импровизированной переноски.

– Что происходит? Много я пропустил? – Он взглянул на окружающую действительность. – О нет! Опять говорильня. – Белкот опустил голову и закрыл глаза. – Разбуди меня, когда начнется что-нибудь интересное.

– Так это и есть твое «испытание»? – спросил берабеск с мечом. – Нас подстрекают к безрассудным действиям? Мы – правоверные. Мы были искушены в философии и самоотречении еще прежде, чем научились читать. Наша вера – не какая-то примитивная религия, как думают некоторые. Она очень сложна, но позволяет постичь Вселенную. А еще она работает. Вы всерьез полагаете, что нас можно так легко заманить в ловушку?

– Не-а. – Фериус продемонстрировала свою стальную карту. – Предлагаю простое состязание. В течение минуты я кину это в вас. Если я сумею кого-то поранить, вы освободите творца амулетов и мы пойдем своей дорогой. Если не сумею – сможете пустить кровь еще троим безбожникам. Это порадует ваше божество.

Рейчис открыл глаза.

– Что она сейчас сказала?

– Думаю, у нее есть план, – прошептал я.

«Пожалуйста, предки, ну пожалуйста, пусть у нее и правда будет план».

Правоверный казался невозмутимым.

– Может, ты надеешься ударить, когда закончится действие моего щита. – Он снова соединил предплечья, и воздух опять замерцал. – Боюсь, это не так-то просто. Бог защищает своих служителей.

Фериус достала курительную соломинку и сунула в рот.

– Я тебя услышала. – Она вынула спичку и чиркнула ей о стальную карту, чтобы поджечь соломинку. – Но у меня есть своя теория о вашем боге.

– Неужели? – спросил берабеск, снисходительно улыбнувшись.

Я задумался: может, эти люди и правда любят дискутировать на религиозные темы.

Вместо ответа Фериус выпустила изо рта колечко дыма. Оно чуть отлетело и замерло на месте, не рассеиваясь и паря в неподвижном воздухе.

– Прекрасно, – сказал берабеск, снова обновив свой щит. – Принимаю эту игру. Давай посмотрим, чего стоят рассуждения аргоси о моей вере.

Хотя у Фериус Перфекс никогда не иссякали козыри в рукаве, мне упорно казалось, что ее нынешняя стратегия – заговорить врагов до смерти. Ну, или убедить их не убивать мага. Если так – это был кошмарный план.

– Вера – забавная вещь, – начала Фериус.

О, предки, она и впрямь это делает.

– Смотри, – продолжала она, – твой чудесный щит настолько же мощен, насколько сильна твоя вера, не так ли?

– Щит не мой, – поправил берабеск, – его сотворил Бог. Моя вера – лишь канал, соединяющий меня с ним.

– Ну да, ну да. – Она помедлила пару секунд. – Только вот что я думаю. Этому богу стоило бы больше беспокоиться о праведности человеческих деяний. А не о том, насколько усердно ему молятся.

Улыбка на лице мужчины померкла.

– Осторожнее, аргоси, если не хочешь...

– На самом деле хочу. – Фериус подняла голову, взглянув на небо. – Вот что, по-моему, видит бог, когда смотрит вниз, на двух правоверных, которые презрели собственные законы

и прикрываются болтовней о ереси, чтобы оправдать убийство незнакомца. – Она раскинула руки в стороны. – Думаю, он смотрит на меня и говорит: «Это аргоси? Она потеряла лошадь. Она изранена, избита, устала и, возможно, ей надо выпить. Но она торчит в пустыне и подставляет свою голову, чтобы спасти несчастного дурачка от двух чокнутых фанатиков, жаждущих его крови».

Фериус смерила уничижающим взглядом двух мужчин, стоявших подле связанного мага, и выпустила в небо еще одно колечко, застывшее в неподвижном воздухе.

– Вот что я думаю.

Лицо берабеска потемнело.

– Тогда давай проверим твою теорию и покончим с этим.

– Уверен? – спросила Фериус, подкинув стальную карту и поймав ее. – Потому что я чую сомнение, а у меня на это отличный нюх.

– То, что ты чувствуешь, – запах твоего собственного страха, – ответил правоверный и снова соединил руки. – Теперь разыграй эту карту и прими последствия. Ведь широко известно, что аргоси ни в кого не верят и полагают, что мир принадлежит только им одним.

– Во что верят аргоси... – сказала Фериус, и ухмылка внезапно исчезла с ее лица, а насмешливый тон – из ее голоса. – Они верят, что никакой бог не станет защищать мерзавцев и убийц.

Она кинула карту, и та прошла сквозь кольцо дыма, летя к щиту берабеска. Только тут я кое-что понял: в последний раз, когда он соединил руки, воздух не замерцал. Острая карта глубоко вонзилась ему в плечо, вызвав болезненный вскрик... Мечник заревел от ярости и кинулся к нам, высоко воздев свой клинок.

– Твой выход, малыш, – напомнила мне Фериус.

О. Точно.

Я кинул порошки и сотворил заклинание.

– Караф! – произнес я, и двойной огонь ударил мечника в грудь.

Он отлетел на добрых шесть футов и рухнул на землю. Фериус смерила меня недовольным взглядом.

– Обязательно было бить так сильно? На меня, тебя, белкокота, гиену, того обожженного парня и этого бедного дурачка уйдет весь запас наших лекарств.

– Ты же сама велела отоварить его как следует!

– Я имела в виду: осторожно.

Она направилась к двум мужчинам, вынимая свой стальной посох. Легкое движение запястья – и он раздвинулся, удлинившись. Правоверный с картой в плече упал на колени.

– Бог покинул нас!

Фериус присела рядом и заглянула ему в глаза.

– Никто тебя не покинул, приятель. Просто ты усомнился. – Она похлопала берабеска по руке. – Но время от времени сомневаться – очень полезно.

И с этими словами Фериус ударила правоверного посохом по голове, отправив в отключку.

Глава 8

Гиена

За тот год, что я знаком с Фериус Перфекс, мне не раз приходилось задаваться вопросом: правда ли, что, несмотря на постоянные уверения в обратном, она отлично владеет искусством магии?

Сейчас я еще раз в этом убедился.

– Это не было магией, малыш, – сказала она еще до того, как я успел спросить.

Я догнал Фериус, направляющуюся к неподвижному творцу амулетов.

– Но ты уничтожила божественный щит берабеска, – настаивал я. – Если это не магия, тогда что?

Она помолчала мгновение и постучала себя пальцем по виску.

– Разве не ты постоянно твердишь, как хорошо вы, джен-теп, умеете держать в голове эту... как ее?... эзотерическую геометрию?

– Да, но...

– Никаких «но». Вера работает так же. – Фериус снова подошла к магу. – По крайней мере, когда дело касается берабесков и их духовной абракадабры. Я заставила его усомниться, и он потерял концентрацию.

«Уловка! – восхитился я. – Не что иное, как очередная хитрость аргоси». Вот так Фериус Перфекс управляется с миром, где она нажила себе кучу могущественных врагов: фокусы и уловки.

Фериус опустилась на колени, чтобы развязать мага. А я вдруг почувствовал внезапный страх, стиснувший мои внутренности. Фериус была, пожалуй, самым удивительным человеком, которого я знал. Но что случится в тот день, когда у нее закончатся фокусы?

Щекочущее ощущение в области шеи заставило меня обернуться. Вдалеке, на вершине дюны, стоял человек, одетый в красное, и смотрел в нашу сторону. Я прищурился, пытаюсь разглядеть его, но он внезапно повернулся и пошел прочь, исчезнув за гребнем песчаного холма. Может, побежать следом? Берабеск упоминал о посланце джен-теп, который отправил правоверных по моим следам.

– Малыш, может, развяжешь гиену? – окликнула Фериус. – У бедной животины, похоже, сердечный приступ.

– Кажется, я кого-то видел, – сказал я. – Это может быть тот человек, который...

– Думаешь, он будет убивать нас прямо сейчас?

– Нет, но...

– Тогда давай разберемся с этим в свой срок.

Я неохотно отвернулся и подошел к гиене. Зверь заворчал, увидев мое приближение. Ответное рычание раздалось у меня на груди. Я не сразу сообразил, что это Рейчис. Полуобморочный белкот тщетно пытался выползти из переноски.

– Пусти меня к ней.

– Ты можешь с ней поговорить? – спросил я.

Белкот перестал рычать и посмотрел на меня.

– Ты хочешь, чтобы я с ней поговорил?

– Да. Скажи, что я развяжу веревки и все будет отлично, если в процессе она не перегрызет мне горло.

– Заметано, – отозвался Рейчис, все еще неуклюже стараясь выбраться из переноски. – Только давай я сперва откушу от нее несколько кусков, чтобы привлечь ее внимание?

Ладно, другой план. Я осторожно снял переноску с плеча и поставил ее в сторонке, борясь с желанием сказать Рейчису: «Сидеть!» Затем я вернулся к гиене, двигаясь очень медленно и осторожно.

– Слушай, мой деловой партнер – белкокот – может понимать обычных людей. Надеюсь, можешь и ты. Мы тут, чтобы помочь, ясно? Я сейчас сниму с тебя веревки, и ты пойдешь к своему хозяину. Ему, если ты заметила, мы тоже пытаемся оказать помощь. Поэтому не надо меня есть. Ладно?

Гиена неотрывно смотрела на меня, но хотя бы перестала рычать. Я присел рядом и принялся распутывать тугие узлы. Когда я снимал последнюю веревку, она нечаянно прижалась к раненой ноге зверя. Гиена укусила меня – даже сильнее, чем это делал Рейчис.

– Ой! Ай! – прокомментировал белкокот. – Говорил же тебе: никогда не доверяй вонючим гиенам.

Зверь показал зубы и похромал туда, где Фериус возилась с путами мага, все еще лежащего без сознания.

– Привет, приятель, – сказала она гиене и протянула руку, чтобы погладить зверя.

Несправедливость космических масштабов! Гиена не только не укусила ее, но даже лизнула в лицо. А потом улеглась рядом с хозяином.

Я подобрал переноску Рейчиса. Тот все еще потешался надо мной:

– Лучше приложи к укусу эту замечательную заживляющую мазь, Келлен. Готов поспорить, ты заразился бешенством. А еще ты...

– Воню гиеной. Я в курсе.

Я присел напротив Фериус, так что освобожденный, но неподвижный маг оказался между нами. И снова меня изумил его странный выбор одежды: кожаные штаны и сапоги для верховой езды под длинным дорожным плащом, шелковый платок, закрывающий рот и нос, и шляпа жителей приграничья. Судя по полосе загорелой, обожженной солнцем кожи, которую можно было разглядеть между платком и шляпой, этот творец амулетов был не старше меня.

– Кто он такой? – спросил я вслух. – И почему болтается тут, называясь моим именем?

Фериус посмотрела на меня, прищурившись, а потом ухмыльнулась.

– Вот что. Почему бы тебе не снять этот платок и не дать магу вдохнуть свежего воздуха?

Я потянулся к платку. Гиена предупреждающе заворчала, и вдруг рука схватила меня за запястье. Ощущение от этой хватки было каким-то странным... неправильным. Я опустил взгляд и увидел, что на руке недостает двух пальцев. Это объясняло, почему он стал творцом амулетов, а не нормальным магом. Нельзя управлять высшей магией, если тебе не хватает пальцев для магических жестов.

– Келлен? – сказал голос – такой тихий и хриплый, что слова больше напоминали кашель.

Я посмотрел в темные – странно знакомые – глаза.

– Разве мы...

Я не успел договорить. Творец амулетов стянул платок, и я увидел губы. Бесспорно, женские.

А потом она поцеловала меня.

– Ладно, – послышалось бормотание Рейчиса, – такого я не ожидал.

Творец амулетов

Память

Карточная колода аргоси все время меняется. Наши карты – не каменные блоки, а пруды с водой. Люди, народы, даже сама история изменяются со временем, поскольку история – это лишь сказка, рассказанная о том, что происходит в настоящем.

Поэтому аргоси должны быть готовы выбросить из своей колоды любую карту. Ведь воспоминания всегда нечеткие, и даже самые яркие воспоминания следует... подвергать сомнению.

Глава 9

Творец амулетов

Говоря откровенно, это был не такой уж грандиозный поцелуй. Ее губы были твердыми, иссушенными солнцем пустыни, а моя челюсть, раздувшаяся от удара локтем в лицо, почти не ощущала прикосновений. Как следствие – я едва мог шевелить губами. И, возможно, пустил слюни.

Обычно, когда кто-то использует магию шелка, обманывая твой разум, это делается, чтобы сломить твой дух видениями невообразимых ужасов. Или же – чтобы соблазнить тебя с помощью... ну, других ощущений. Ни то ни другое не подходило к нынешней ситуации.

– Нифения? – спросил я, подавшись назад.

– Разумеется, это я, Келлен. – Она улыбнулась, видя мою растерянность.

Хотя «улыбнулась» – неподходящее слово. На ее губах появилась ухмылка – дикая, разудалая гримаса, совсем не подходящая робкой девушке, которую я когда-то знал.

– Кто еще станет гнаться за тобой через полконтинента, просто чтобы спасти тебе жизнь?

– Спаси жизнь? – пробурчал Рейчис. – Вообще-то, это мы...

Гиена оскалила зубы и попыталась подняться на ноги, хотя выглядела еще более израненной и взъерошенной, чем Рейчис.

– Давай, шавка! – подстегнул белкокот. Его шерсть мало-помалу становилась черной, с темно-красными полосами. – Я весь день не ел.

Зверь припал к земле, готовясь напасть, но передняя лапа подломилась, едва лишь гиена попыталась на нее опереться.

– Айшек! – крикнула Нифения. – Ты же себя покалечишь!

– Айшек? – переспросил Рейчис. – Она дала имя гиене? Что дальше? Будем даровать титулы кучкам навоза? Пусти меня, Келлен! Мы сделаем из этой шкурки запасное одеяло.

Зверь пытался вырваться из хватки Нифении, рыча на нас обоих, хотя лично я ничего плохого ему не сделал. Нифения, однако, смерила меня обвиняющим взглядом.

– Что этот белкокот сейчас сказал?

– Он... приветствует твой талисман.

Гиена издала странный повизгивающий звук, который для меня ничего не значил, но, очевидно, был понятен Нифении.

– Он говорит, что ты врешь. И что белкокот угрожал сделать из него коврик.

– Вообще-то, одеяло. Но не воспринимай угрозы из уст Рейчуса слишком серьезно – он здоровается так со всеми. Ты привыкнешь.

Гиена зафыркала, и это, казалось, немного успокоило Нифению.

– Ладно. Передай, что я буду здороваться с ним так же, если он не...

– Прежде чем вы сцепитесь, – устало сказала Фериус, – примите во внимание, что у меня мало лекарств. Поэтому вам придется самим позаботиться о своих дурацких ранах.

Я обернулся и увидел, что Фериус опустила на колени возле лежащего без сознания берабеска, втирая в его ожоги мазь из олеус регии. А надо заметить, что эта самая олеус регия ценится на вес золота.

– Ты же понимаешь, что мы все тоже ранены, да? – спросил я.

– Я обработаю ваши царапины, как только вы четверо согласитесь не добавлять к ним новые.

Нифения залилась краской.

– Простите нашу грубость, леди Фериус. Мы не хотели...

– Просто Фериус, деточка, – перебила аргоси. – У нас тут нет никаких леди.

– Ну отлично, – проворчал Рейчис. – Снова здорово.

Гиена фыркнула. А потом открыла пасть пошире и издала странные звуки, в которых – хоть и неразборчиво – угадывались те же слова: «Ну отлично. Снова здорово».

– Демон! – воскликнул Рейчис, медленно пятясь назад.

– Айшек, прекрати! – оборвала Нифения гиену. Мне она сказала: – Эти животные умеют копировать звуки, как пересмешники. Они не понимают чужой язык, но могут воспроизводить то, что слышат.

Словно подтверждая это, гиена повернула голову к Рейчису и пролаяла:

– Демон!

Это производило сильное впечатление, особенно учитывая, что белкокот не столько разговаривает, сколько порывается и ворчит. И лишь благодаря связи между нами я могу переводить слова Рейчиса на человеческий язык.

– Убей шавку, Келлен! – заорал Рейчис. – Убей их обоих! Они оба демоны!

– Они не демоны, – возразил я. Кажется, прозвучало не слишком-то убедительно.

Я имею в виду: давайте взглянем на факты. Мир очень велик. И какова вероятность, что здесь, посреди пустыни, я встречу девушку, в которую был влюблен большую часть жизни? Крайне мала, не так ли?

– Как ты нас нашла? – спросил я.

– В основном с помощью поисковых заклятий. – Она провела пальцем по серебряным иероглифам на моей шляпе. – Между прочим, эти штуковины сильно усложнили мне задачу. Всякий раз, когда я пыталась тебя разыскать, дело кончалось жуткой мигренью.

– Мигренью?! Эти охранные символы должны сбивать со следа всех тех магов-ищеек, которые за мной охотятся. И не позволяют им выследить меня. Вообще!

Нифения снова одарила меня своей ушлой ухмылкой. Как же не похожа была она на девушку, которую я помнил!

– Тогда, думаю, тебе не стоит ни с кем из них целоваться. Ведь именно эту нашу связь я использовала, чтобы пробиться через охранные знаки.

Ладно, похоже на правду. Хотя, возможно, все же вранье, и я вот-вот стану жертвой мага шелка с идиотским чувством юмора.

– Так или иначе пару недель назад я потеряла твой след. Рядом был город берабесков, и я расспрашивала людей обо всех метких магах джен-теп, бывавших там. Вот тогда и узнала, что посланник лорд-магов предложил берабескам щедрую награду в обмен на поимку и казнь Келлена из дома Ке.

Я снова вспомнил о человеке в красном, которого видел на вершине дюны.

– Хочешь сказать, кто-то из нашего клана нанял правоверных, чтобы меня убить?

– Ты нажил много врагов, Келлен.

Да. Моим врагом становился примерно каждый первый, кого я встречал на пути. Похоже, я не сумел скрыть охватившее меня отчаяние: Нифения ободряюще положила ладонь на мою руку.

– Что произошло с пальцами? – спросил я.

– Несчастный случай.

Очень странно для мага. Мы чрезвычайно осторожны с теми частями тела, которые нужны для сотворения заклинаний. Я взял ее за второе запястье.

– На обеих руках?

Нифения проигнорировала вопрос.

– Как я и сказала, отряд правоверных отправился на охоту за тобой.

Она подтянула вверх платок, прикрывая нижнюю часть лица. Вообще, человек в таком вот длинном плаще и с полузакрытым лицом мог оказаться почти кем угодно...

– Тогда я назвалась твоим именем, надеясь, что смогу направить их по ложному пути, а потом запутать следы с помощью амулетов.

– Связываться с правоверными было плохой идеей, – заметила Фериус. У нее был очень усталый голос, даже вялый.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Да. Сейчас вот добавлю в лекарство для этих ребят немного снотворной травы. Пусть хорошенько отдохнут, прежде чем бросятся в погоню за нами.

Ну, просто отлично. Еще один повод для беспокойства.

– Правоверные – очень и очень хорошие охотники, – сказала Нифения. – Я испробовала все, чтобы их запутать, но они шли за мной по пятам.

– И ты привела их к нам? – спросил я.

– Они выяснили бы, что я – очевидно не ты, Келлен. Оставалась единственная надежда: добраться до вас первой. Тогда мы смогли бы сражаться с ними все вместе.

Нифения снова обняла гиену, нежно поглаживая шерсть зверя.

– Бедный Айшек едва не погиб, защищая меня.

– Дивная история, – сказал Рейчис. – Только вот они с шавкой удрали, едва завидев нас.

– Что он сказал? – спросила Нифения.

Я перевел, и снова увидел на ее лице лишь досаду.

– Когда я вас нашла, уже не было времени ничего объяснять. Я не хотела рисковать вами.

Нифения достала из-под плаща крохотную железную коробочку с ржавыми обугленными стенками.

– Это защитило бы меня от молний. Но не вас. И вы могли пострадать заодно с берабесками. – Она бросила использованный и уже мертвый амулет на песок. – Ладно, может, и не лучший мой план...

На самом деле план не такой уж плохой. «Плененная» магом буря бывает очень опасна, а правоверные преследовали Нифению по пятам. Остановись она хоть на секунду, они бы поймали ее... Конечно, именно такую историю и рассказал бы маг шелка, желавший меня обмануть.

– Келлен?... – сказала она, пристально глядя на меня.

Я не знал, чему верить. Я устал, я был ранен, и вдобавок ко всем прочим бедам левый глаз начал болеть. Черные отметины горели, словно их облили кислотой.

В моем народе верят, что Черная Тень – это трещина, через которую демон мало-помалу захватывает тело мага... Только вот в последнее время изменялся вовсе не я. Зато все вокруг постоянно оказываются не теми, за кого себя выдают.

Глаза девушки сузились, превратившись в темные щелки. А ее ухмылка становилась все шире и шире – казалось, Нифения вот-вот вывихнет себе челюсть. Она смеялась надо мной – над тем, как легко я поверил в ее обман. И впрямь: с какой стати Нифении быть здесь – за много сотен миль от нашего дома? Более вероятно, что какой-то охотник за головами из джен-теп случайно попал в плен к религиозным фанатикам, а теперь разыгрывал перед нами спектакль, ожидая подходящей возможности меня убить...

Несколько вещей произошли одновременно. Гиена встала, несмотря на раненную лапу, и зарычала на меня. Рейчис тоже подскочил, готовый кинуться на гиену; его шерсть окрасилась в темно-красный цвет. Нифения смотрела на мои руки.

Я опустил взгляд и увидел, что сунул руки в мешочки на поясе, сам того не заметив.

– Келлен, что ты делаешь? Это я, Нифения.

– Неверный ответ, – сердито сказал я. – Теперь ее зовут Нифарья.

Я вытащил по щепотке порошков – красного и черного – и сжал их в пальцах.

– Итак, кто ты на самом деле?

Глава 10

Воссоединение

– Келлен! – крикнула девушка. Она сощурила глаза, а голос ее сделался резким. – Я больше не ношу имя Нифарья. Я Нифения. Совет клана отнял имя мага в тот день, когда изгнал меня.

Да неужели? Несколько месяцев назад моя сестра Шелла рассказала, что Ниф обручилась с Панэратом и обрела покровительство его дома. Я знал Пана. Он никому не позволил бы изгнать ее.

– Убери эти порошки, Келлен. Твоя татуировка начинает светиться.

И точно. Узоры на моем предплечье окружил слабый серебристо-голубой свет. Нифения – или тот маг, что прикидывался ею, – сунула руку под плащ. У творца амулетов может быть припрятано много зубодробительных штуквин. Впрочем, я был уверен, что среагирую быстрее. Только с такого расстояния я ее скорее всего убью.

Белкокот и гиена рычали все громче. Кровь шумела в ушах. Левую глазницу жгло все сильнее и сильнее, и перед мысленным взором плыли видения – огонь и смерть, гибель магов, которые приходили за мной прежде и наверняка придут снова. Сасуцей в правом глазу, в свою очередь, обожгла меня холодом, призывая остановиться. Я не знал, какому инстинкту верить, но мне до смерти надоели люди, пытавшиеся меня одурачить, обмануть или убить. Не в этот раз. Хватит!

– Келлен, не вынуждай меня...

Пять блестящих стальных пластинок просвистели в воздухе и вонзились в землю у наших ног. Фериус стояла в нескольких футах от нас. Солнце светило ей в спину, и тень от ее фигуры падала на нас. В руке Фериус держала колоду стальных карт.

– Я думала, что вы разобрались между собой, но, похоже, ошибалась. – Аргоси вытащила еще одну карту. – Слушайте-ка сюда. Если меткий маг, творец амулетов, белкокот или гиена двинется с места, получит вот этим прямо промеж глаз. Я очень устала, меня избили, и здравый смысл подсказывает, что пора положить конец этой белиберде.

Мне стоило больших усилий не ответить какой-нибудь резкостью, но я заставил себя сделать несколько медленных глубоких вдохов-выдохов. Наконец видения померкли, а назойливые голоса в голове притихли. Притихли – но не умолкли совсем.

– Откуда нам знать, что она не самозванка?

Аргоси, прихрамывая, приблизилась к нам.

– Покажи ему, кто ты есть, детка.

– Он уже знает, кто я, – ответила Нифения. – И буду благодарна, если вы перестанете называть меня «детка».

– Он знает, кем ты была. Покажи ему, кто ты сейчас.

Девушка сдернула шляпу, демонстрируя шрамы, которые покрывали ее голову и лицо. Глядя на нее теперь, я понял, почему сперва не узнал Нифению. Кожа на лице была сухой и сильно загорела от долгого путешествия по пустыне. Очертания скул стали резче. Нифения всегда была худощавой, но теперь выглядела просто тощей... Будучи посвященным, я долго учился запоминать картинки до мельчайших деталей – того требовала эзотерическая геометрия некоторых заклинаний. Потому-то, даже спустя многие месяцы, проведенные в изгнании, я мог описать длинные блестящие волосы Нифении прядь за прядью. Теперь эти волосы были коротко обрезаны; темные клочья торчали во все стороны, напоминая больше шерсть гиены, чем прическу девушки, которую я помнил.

Я едва не сказал ей об этом, но сумел сдержать эмоции.

– Ты обрезала волосы, – проговорил я вместо этого. Вроде ничего обидного. Но я тут же все испортил, прибавив: – Мне больше нравились длинные.

«О, предки. Почему я не могу держать рот на замке хотя бы время от времени?»

Нифения поджала губы, явно давая понять, что моя реплика не стоит ответа. Гиена раскрыла пасть и насмешливо передразнила:

– Мне больше нравились дииииинные.

– Ну как, малыш, – спросила Фериус, – ты разобрался, что к чему?

Пожалуй, да. Хотя это был странный способ убедить меня, что Нифения – и правда Нифения. Она выглядела, разговаривала и вела себя не так, как девушка, знакомая мне с детства.

Видимо, в этом и был смысл.

– Маг шелка, притворившийся Нифенией, постарался бы изобразить ее более привычной для меня, да?

Фериус спрятала карты и достала курительную соломинку. Сонно взглянула на нее.

– Малыш наконец-то научился слушать глазами. Закончим урок.

Она сделала неуловимое движение рукой, и в пальцах появилась спичка. Глубоко затянувшись, Фериус сказала:

– Могу поспорить, однажды вы, джен-теп, поубиваете... поубиваете...

Она замолкла и начала шататься из стороны в сторону, точно пьяная. Лишь теперь я заметил, как она бледна. Она смотрела на меня, но казалось – не могла толком сфокусировать взгляд. На ее губах появилась привычная ухмылка, но в следующий миг она пошатнулась и рухнула лицом вниз. Я потянулся за сумкой с медикаментами, и только тут увидел жуткие раны на спине Фериус. Меч барабеска навредил ей гораздо сильнее, чем она желала показать. Одежда была изрезана, и длинные кровавые полосы тянулись через всю спину, к боку. А золотистый песок под ее телом окрашивался алым.

Глава 11

Черное небо

Едва лишь я сделал первый шаг к Фериус, как понял: что-то не так.

Ослепительно-яркое полуденное солнце превратилось в черный диск, и тьма накрыла пустыню. Песок – еще недавно золотой – теперь состоял из мириад крупинок черного оникса. Нигде не было ни единого источника света, и все же я отлично видел. Глаза словно бы научились различать тысячи оттенков черного, из которых был соткан мир вокруг меня.

Где я?

Чей-то голос окликнул меня:

– Келлен?

Нифения! Но голос ее звучал так, словно она находилась во многих милях отсюда. Он будто бы отдавался эхом от стен огромного каньона.

Я огляделся, пытаясь сориентироваться. Через тридцать ярдов пустыня заканчивалась пляжем, которого здесь не могло быть. Черный океан гнал к берегу огромные волны. У кромки воды стояла спиной ко мне одинокая фигура. Это была Фериус. Она, казалось, разговаривала сама с собой.

– Было бы чудесно снова пересечь океан... Хотя бы еще один раз.

Я кинулся к ней, топча ониковый песок. Но странное дело: сколько бы я ни бежал, я не приблизился к аргоси ни на шаг.

– Фериус, это я! Кажется, я попал в какую-то ловушку! Скажи, что мне делать?

– ... И хорошо бы еще разок повидать их. Поговорить о том, что осталось недосказанным. Хотя, могу поспорить, путь Странствующего Чертополоха – не для тех, кто оглядывается назад.

Путь Странствующего Чертополоха? Аргоси часто придумывают названия вроде этого. Фериус шла путем Полевой Ромашки. А Розы – единственная аргоси, кроме Фериус, которую я знал, – путем Шипов и Роз. Но о пути Странствующего Чертополоха я слышал впервые.

Нифения по-прежнему звала меня, но ее голос становился все тише.

– Келлен, почему ты стоишь столбом? Я не знаю, как помочь леди Фериус. Она истекает кровью. Повязка не помогает!

– Нифения! Где ты?

Внезапно ее голос раздался совсем близко – прямо у меня за спиной.

– Я не могу больше быть ею, – тихо сказала она.

Я обернулся. Нифения стояла в нескольких шагах, бездумно глядя на восток. Вместо плаща и походных штанов на ней было серебристо-голубое платье посвященной джен-теп, а волосы снова стали длинными, до пояса. Одной рукой придерживая пряди, Нифения срезала их черными ножницами, но волосы почему-то не становились короче.

– Теперь я стану кем-то другим, новым, – бормотала она. – Ею я больше не буду. Никогда.

Нас разделяло всего несколько футов, но, когда я потянулся к девушке, пальцы схватили лишь пустоту.

– Нифения? Что ты делаешь? Кем ты не можешь быть?

Призрак не обернулся, казалось, вовсе не заметил меня. Где-то далеко другая Нифения отчаянно звала:

– Келлен, прошу, не уходи! Ты что, не понимаешь? Она умирает, Келлен! Фериус умирает!

– Нифения! Я тебя не вижу! Я не понимаю, куда попал.

Ответом были лишь ее рыдания. В отчаянии она снова и снова звала меня по имени, умоляла помочь. Я пытался найти путь назад, но эта черная пустыня казалась бесконечной.

Мелькнула маленькая тень. Пушистый зверек пробежал мимо меня по ониксовому пляжу. Я тут же узнал его. Это был Рейчис – или его призрак. Он приостановился, рыча на невидимых врагов, но я не понимал, что он говорит.

– Рейчис, – крикнул я, – помоги Нифении! Покажи ей серебряную банку с олеус регией. И скажи, что сперва ее надо растереть в руках, иначе не будет толку.

Белкотот неожиданно исчез, преследуя добычу, которую я не мог увидеть.

– Рейчис! Рейчис, послушай меня!

Он не обратил внимания и поспешил своей дорогой, скаля зубы и рыча на кого-то в темноте. Я побежал за ним, пытаюсь его схватить. Я мог бы поклясться, что догоняю белкотота, но всякий раз он оказывался слишком далеко от меня.

Как бы я ни старался, я не мог приблизиться ни к кому из них. На берегу тень Фериус вошла в глубокий черный океан. Я окликнул ее, но знал, что она не услышит.

Сумрак окружал меня. Единственной ниточкой к реальному миру были крики Нифении; она звала, умоляя помочь, прося спасти мою наставницу. И тут наконец-то я понял, что происходит.

Я увидел следующую стадию Черной Тени. Отчаявшись напугать меня картинами ужаса и отчаяния, она поглотила меня целиком. Я заблудился. Застрял среди теней.

А Фериус Перфекс умирала.

Глава 12

Оковы

Очнувшись, я понял, что лежу в мягкой постели. А еще – что я прикован к кровати цепями.

Я понятия не имел, сколько здесь пробыл, но раны, полученные в драке с берабеском, теперь отдавались лишь несильной тупой болью. Видимо, кто-то обо мне позаботился.

Сознание возвращалось медленно, но кое-что я осмыслил. Во-первых, я не в тюрьме. Более всего это походило на комнату в скромной гостинице, обставленную немудреной мебелью. Видимо, комната находилась на втором этаже, поскольку снизу доносились голоса. Разговоры, крики, смех, звон стаканов и время от времени – скрип дверных петель.

Таверна или трактир... По комнате гулял сквозняк. Я приподнялся на подушках и увидел окно в левой стене. Дневной свет, проходивший сквозь него, был мягким и неярким. Видимо, вторая половина дня.

Свежий воздух, ничуть не похожий на сухой раскаленный воздух пустыни, в котором постоянно вилась пыль. На полу под окном лежала стопка штор. Кто-то не просто открыл их, а вообще снял, чтобы в комнату попадало как можно больше света. Масляная лампа на прикроватном столике была уже зажжена, и я ощутил странное облегчение. Я смутно помнил о ловушке тени и о том, как кричал во всю силу легких, умоляя вытащить меня оттуда.

Тот, кто доставил меня сюда и приковал к кровати, позаботился, чтобы я не проснулся в темноте и не ударился в панику. Фериус могла бы так сделать. Жива ли она еще?...

Я попытался вскочить, на миг забыв про цепи. Они натянулись и загремели.

– Эй! – крикнул я. На миг показалось, что я в ловушке. – Снимите с меня это!

За дверью заскрипел стул. Послышались шаги. Миг спустя в комнату вошла Нифения. Ее гиена бесшумно вышагивала рядом с ней.

Нифения смерила меня изучающим взглядом. Не знаю, что она надеялась увидеть, но, так или иначе, она вошла и закрыла за собой дверь.

– Ну, теперь ты похож на себя. Это уже кое-что.

«Она подобрала странные слова, – подумалось мне, – если принять во внимание, что она-то сама отнюдь на себя не похожа». Здесь, в сравнительно нормальной обстановке, вдалеке от гротескных пейзажей пустыни, контраст между нынешней Нифенией и прежней стал еще более разительным.

«Не заикливайся на ее внешности, болван. Лучше подумай, почему это произошло».

– Фериус... Она...

Нифения подошла и села в ногах кровати.

– Она в порядке. Фериус жива. Но раны очень серьезные. Она едва не... Ладно, в любом случае теперь она выздоравливает.

«Спасибо вам, предки! И еще раз: большое спасибо!»

Я поднял руки, потянув за собой цепи.

– Не могла бы ты снять это с меня?

В голосе Нифении появились металлические нотки.

– Не знаю. Ты не собираешься снова меня бросить? Ну, как ты это сделал в пустыне, когда твои друзья истекали кровью, а я пыталась им помочь?... – Она осеклась. – Прости, Келлен. Мне не следовало этого говорить.

Нифения подошла и присела справа от кровати, сунув ключ в железный браслет на запястье. Потом освободила вторую руку.

– Ну вот. Ты свободен. Постарайся больше не убегать и... Прости. Кажется, я не могу остановиться.

Она села на пол, привалившись спиной к стене. Гиена устроилась рядом с Нифенией, положив голову ей на колени.

– Два месяца, как я покинула наш дом, Келлен. Меня дважды ограбили. Трижды я едва не погибла. Как-то съела фрукт, не зная, что он испортился у меня в сумке, и отравилась. Я не могла двигаться. Умерла бы от обезвоживания, если бы Айшек не пробежал пятьдесят миль до ближайшего города и не украл для меня фляжку воды.

– А почему тебя...

Я замолчал. Мне хотелось спросить, почему ее изгнали. Но, кажется, сейчас был неподходящий момент. Хотя, возможно, подходящий момент никогда не настанет.

– Рад, что ты цела, – сказал я.

Она погладила гиену. Потом, подняв голову, взглянула на меня.

– Сколько прошло времени, прежде чем ты перестал бояться, Келлен?

– Перестал? Ты шутишь? Я постоянно чего-то боялся. Черт, даже сейчас боюсь.

Она рассмеялась.

– Чего? Меня?

Гиена что-то проворчала. Ниф похлопала ее по голове.

– Ну, конечно, мой отважный маленький дружок, тебя все боятся.

В ответ Айшек фыркнул и лизнул ее руку. Если бы я попытался похлопать Рейчиса по голове и назвать его «мой маленький дружок», он бы укусил меня за язык и заорал: «Только посмей назвать меня так снова, голокожий! Назови меня дружком еще раз, только попробуй!»

– Ладно, – сказала Нифения, аккуратно отстраняя гиену и поднимаясь на ноги. – Ты, наверное, голоден.

– Сколько я тут пробыл? И как вообще мы выбрались из пустыни?

– С большим трудом, – ответила она. – Если вкратце: пришлось истратить все лекарства Фериус. И два моих лучших заклятия зова – чтобы вернуть ваших лошадей. А потом я три дня шла рядом с лошадью Фериус, следя, чтобы она не свалилась. И чтобы ты не...

– Что? – спросил я. Под взглядом Нифении я вдруг ощутил укол стыда.

– Ну, просто... Там, в пустыне, когда ты наконец перестал бродить туда-сюда, как сомнамбула, я не узнала тебя.

Отлично.

– Слушай, мне жаль. Я...

– Нет, я не о том. В буквальном смысле: несколько секунд я не могла тебя узнать. Словно передо мной стоял незнакомец. – Нифения покачала головой. – Ладно, наверное, померещилось. Я сама была хороша: устала, мучилась от жажды, едва спаслась от кучки религиозных фанатиков, которые чуть меня не убили.

Она протянула мне руку.

– Пойдем. Это место меня бесит.

Я откинул одеяло и поднялся на ноги. В голове еще стоял туман и было немного холодно, но ничего страшного.

– Отведи меня к Фериус.

Нифения приподняла бровь.

– Seriously? А ты ничего не забыл?

Вот толстокожий идиот! Я забыл поблагодарить ее! Нифения прошла через ад, чтобы спасти мою наставницу, чтобы разыскать меня и привести из пустыни в безопасное место! А я вел себя как неблагодарная скотина.

– Спасибо, Нифения. Правда: спасибо. Если я могу что-то для тебя сделать...

Она улыбнулась. И тут же улыбка превратилась в ехидную усмешку. Нифения указала на противоположную стену. Я проследил за ее жестом и увидел, что на стене висит зеркало. Увидел свое отражение.

Я был совершенно голым.

– Просто надень что-нибудь – и этого будет вполне достаточно.

Покраснев, слыша над ухом хохот Нифении и ее гиены, я поспешно достал из дорожной сумки запасную одежду и влез в нее.

Впрочем, смущение исчезло, стоило мне глянуть в зеркало второй раз. Черные изогнутые линии вокруг левой глазницы увеличились в размерах. Так происходило, когда я использовал магию джен-теп – но медленно, почти незаметно. Теперь же, после того как я побывал среди теней, положение сильно ухудшилось.

Я схватил банку с тональным кремом, которым маскировал отметины. Его приходилось использовать всякий раз, когда мы приезжали в какой-нибудь город. И он был чертовски мерзким.

– Хватит прихорашиваться, – сказала Нифения. – Поверь мне: для этого места ты выглядишь вполне нормально. Даже мило.

Я отставил банку с кремом и взял свою шляпу.

– А где это мы, вообще говоря?

Она открыла дверь.

– Знаешь, я надеялась, что ты мне скажешь.

Мы вышли в коридор с полудюжиной одинаковых дверей, похожих на мою. Я подумал, что Фериус лежит в одной из комнат, но Нифения миновала их все, направившись к лестнице.

– Кажется, ты сказала, что Фериус выздоравливает?

– Да. Но, очевидно, аргоси понимают «выздоровление» не так, как обычные люди.

Мы спустились по лестнице и оказались в большом общем зале. С десятков мужчин и женщин в неброской одежде сидели на скамьях – выпивали и переговаривались. Сонный бармен, взгромоздившийся на высокий табурет, протирал кружки. Фериус нигде не было видно.

– Мы должны были встретиться с ней здесь, – сказала Нифения, оглядывая зал.

Я увидел расхлябанную дверь, ведущую наружу.

– Что это за город?

– Это не город, – отозвалась Нифения. – Здесь вокруг вообще ничего нет. Трактир стоит на перекрестке дорог неподалеку от границы Гитабрии.

– И как же ты нашла это место?

Нифения фыркнула.

– Ею нашла леди Фериус. Она была едва жива. Мне пришлось привязать ее к седлу, чтобы она не свалилась с лошади. И все-таки каждые пару часов она поднимала голову и указывала мне, куда идти. Налево. Направо. Через вон то пыльное поле... Мы миновали три городка. В любом из них я могла бы найти ей нормального врача. Но нет. Она стояла на своем. Ей требовалась какая-то «абсолютная константа цивилизации».

– О! – сказал я, наконец-то сообразив, где мы оказались.

Фериус склонна придумывать местам всяческие громкие названия, но на проверку оказывается, что все это – пшик.

– Мы в трактире скитальцев.

– И чем он отличается от обычного трактира?

Я провел Нифению мимо барной стойки, к другому концу зала.

– Если верить аргоси – всем. Трактиры скитальцев – это такие секретные места для отдыха на длинных дорогах. Они существуют по всему континенту, хотя зовутся по-разному. В приграничье их называют «дома бродяг». Я никогда не слышал о таких местах в наших землях, но Фериус говорит, что там они тоже есть и называются «приютами странников». Они встречаются даже здесь, на территории берабесков, и именуются «убежищами пилигримов».

Нифения оглядела людей, заполонявших зал.

– Не очень-то они похожи на пилигримов.

- Ну, формально мы пока не в трактире скитальцев. Пойдем.
Я открыл неприметную дверь, украшенную изображением трех звезд над маленькой спиралью.
Трактирщик заметил нас.
– Туда никто не заходит, – проговорил он.
– Поэтому никто оттуда и не выходит, – ответил я.
Тут же потеряв к нам интерес, трактирщик вернулся к своему занятию.
– Что это было? – спросила Нифения, когда мы вошли в дверь и оказались в темноте. – Какой-то пароль?
– Точно не знаю, но трактирщики всегда так говорят, а Фериус – отвечает.
Я нащупал стену и шел, держась за нее рукой, пока не добрался до лестницы, ведущей под землю.
– Спускайся аккуратнее. Думаю, тут должно быть семьдесят семь ступенек, но я всегда забываю посчитать.
– И что внизу, Келлен?
– Если пользоваться терминологией Фериус – абсолютная константа цивилизации.

Глава 13

Абсолютная константа

Широко распахнутыми глазами Нифения смотрела на огромную комнату, вырезанную в толще скалы под трактиром. Она была в два, а то и в три раза больше, чем здание на поверхности.

Я всегда задавался вопросом: может быть, эти места изначально предназначались для беженцев, спасавшихся от постоянных войн, которые когда-то то и дело сотрясали наш континент? Впрочем, с тем же успехом это могли быть убежища для контрабандистов и воров, скрывающихся от местных властей.

В таких подземельях можно жить довольно долго. Здесь никогда не бывает слишком жарко или слишком холодно. А лабиринт туннелей, уводящих в разные стороны, предоставляет прекрасные возможности для побега. Однако всякий раз, когда я спрашивал Фериус о назначении этих трактиров скитальцев, она давала один и тот же ответ. И те же слова она прокричала в тот миг, когда мы с Нифенией входили в пещеру.

– Азартные игры, друзья мои!

Она подняла большую кружку, наполненную до краев. И вряд ли это было лекарство.

– Это ли не прекраснейшая форма поэзии, придуманная цивилизованными людьми?

– Абсолютная константа! – с энтузиазмом подхватили тост остальные посетители.

В противоположных концах пещеры были устроены два отдельных бара – видимо, чтобы гостям не приходилось далеко ходить за своей выпивкой. За столами разнообразных форм и размеров играли в карты, в кости и еще какие-то игры, которых я не знал.

– Келлен! – жизнерадостно провозгласила Фериус из-за своего стола, где она резалась в карты с тремя другими путниками. – И девочка, имя-которой-я-позабыла!

– Снова напоминаю вам, леди Фериус, меня зовут Нифения.

– Перестань называть меня «леди», детка. Я должна повторять в сотый раз?

Нифения изогнула бровь.

– Видимо, я тоже позабыла.

Айшек побежал вперед и глухим ворчанием приветствовал Рейчиса. Белкокот восседал на плече у Фериус, взгляд его маленьких глазок был прикован к столу, где шла игра. Он ненадолго отвлекся, посмотрев на меня, но и не подумал поздороваться. Оскалил зубы на Айшека, а потом снова вернулся к картам.

– Давай, аргоси! Разнесем этих сосунков в пух и прах! Вперед!

– Ты учишь белкокота играть в карты? – спросил я.

Фериус ухмыльнулась и кинула на деревянный поднос горсть монет. Монеты, как я заметил, были по меньшей мере из трех разных стран.

– Наш мелкий приятель проявляет в этом деле завидную сноровку.

– Но как вы общаетесь? Ты же не понимаешь его язык.

– О, он находит способы донести до меня свои мысли.

– Вот эту карту клади, вот эту! – возбужденно протрещал Рейчис. Он спустился по руке Фериус, вцепился в карту обеими лапами и рывкнул на аргоси, видя, что она колеблется.

– Скорее, а то не успеешь!

– Ладно, ладно, – сказала она, выкладывая карту на стол. Это была тройка щитов – масть, символизирующая дароменскую империю.

«Весьма любопытно», – подумал я, хотя и не знал правил этой игры.

– Вот мерзавец! – рывкнула женщина, одетая в дароменский костюм для верховой езды. Она бросила свои карты на стол. Ее сосед справа – огромный берабеск в просторном балахоне – тоже спасовал.

– Не нравится мне эта зверушка. Из-за нее мне не везет.

– Зато мне везет, неудачник! – весело сказал Рейчис.

Он прыгнул на стол и принялся одну за другой перекладывать монеты с подноса, куда клали ставки, в кучку рядом с Фериус. Управившись с этим, белкотот посмотрел на меня.

– Ты в курсе, что испортил нам все удовольствие?

– Эй, малыш, как дела? Все в порядке? – спросила Фериус, в свою очередь глянув на меня. – Ты как будто малость не в духе.

Не в духе? Кожа Фериус была такой бледной, что, закрой она глаза, ее можно было бы принять за труп. Не знаю, сколько времени аргоси просидела за картами, но, судя по всем этим разнокалиберным монеткам на столе, едва ли она долго отдыхала. Фериус снова подняла свою кружку с пойлом, и я увидел, как дрожит ее рука. Это стало последней каплей.

– Я не в своей тарелке?! На себя посмотри! Ты ж едва можешь усидеть на стуле. Ты чуть не умерла, Фериус! Я потерялся в Тенях, а ты истекала кровью, и я ничего не мог поделать. Ничего! Ты не понимаешь, да?

Партнеры Фериус смотрели на меня. Некоторые игроки за другими столами – тоже. Видимо, я орал слишком громко. Фериус перехватила несколько сочувствующих взглядов и небрежно отмахнулась.

– Все ведь кончилось счастливо, Келлен. А теперь поди, сядь вон на тот диванчик и дождись какую-нибудь прекрасную жрицу любви. Она поможет тебе расслабиться.

– Жрица любви? – переспросила Нифения.

– Женщина легкого поведения, – объяснил я, хотя знал, что это разозлит Фериус. Она видела какую-то разницу между этими двумя профессиями. От меня разница ускользала.

– Сразу видно: юноша никогда не проводил ночь с настоящей жрицей любви, – бросила Фериус. Со всех сторон слышались смешки. Я почувствовал, как ногти впиваются в ладони. Нифения попыталась оттащить меня назад, но я сбросил ее руку.

– Ты все готова превратить в шутку, да? Самовлюбленная, эгоистичная идио...

Я понял, что зашел слишком далеко, даже не успев увидеть лица окружающих меня людей. И никто из них не знал, что Фериус то и дело спасала мне жизнь. Я же ничего не сделал, когда она умирала...

Фериус отшвырнула карты.

– Нет, Келлен, я думаю, ты прав. Это не шутка.

Она кинула пару монет берабеску, тасовавшему колоду.

– Сыграйте несколько раундов без меня, Хедрисс. Надо немного размять ноги.

Она поднялась из-за стола и направилась к выходу из пещеры.

– Пошли, малыш. Поговорим.

Следом за Фериус я вышел наружу, стараясь сохранять невозмутимый вид. Но на самом деле чувствовал себя нашкодившим щенком, ожидающим трепки.

Солнце начинало клониться к западу. На востоке темнеющие облака висели над грядой холмов, которые на картах означали границу Гитабрии. Мы явно были далеко за пределами пустыни. Неподалеку от трактира виднелся живописный ручей с перекинутым через него небольшим деревянным мостиком. Ручей убежал в лес – под своды серебристых деревьев, покрытых нежными оранжево-розовыми цветами.

– Красиво, верно? – спросила Фериус.

По сравнению с теми местами, где мы побывали за последние несколько месяцев?...

Казалось, я видел перед собой одну из тех дивных мирных картин, что украшали стены святилищ лорд-магов.

– Думаю, тут очень мило.

Фериус ухмыльнулась и сунула руку в карман – разумеется, за своей курительной соломинкой. Впрочем, так и не вытащила ее.

– Бывают места... и моменты, которые пьянят, как летнее вино, малыш. Но ты не почувствуешь их вкус, если отравлен страхом и гневом.

– Но ведь...

Она перебила меня:

– Ты все твердишь, что я едва не умерла, Келлен. Так не умерла же! Радуйся же этому, вместо того чтобы думать о плохом. Хватит оглядываться на вчерашний день. Это лишь мешает тебе вкушать сегодняшний.

Фериус была в чем-то права, разумеется, и мне отчаянно хотелось принять ее образ мыслей. Но я не мог.

– Я думаю только о том, что ты почти умерла...

Вместе с последним словом из моего горла вырвались рыдания. Это было унижительно. Всякий раз, когда на нас нападают, я потом плачу. Вот и сейчас... Выходя из трактира, я пообещал себе: что бы ни сказала Фериус, я не стану хныкать, словно потерявшийся ребенок. Как и многие другие обещания, это я тоже нарушил.

– И я виноват, Фериус. Я всегда виноват! Ты истекала кровью, а я не мог помочь из-за дурацкой Черной Тени. Если бы мы были там только вдвоем, ты бы...

Я осекся. Потому что Фериус сделала нечто необычное.

Обняла меня.

Ощущение было очень странным. Непривычным и неестественным. Для меня. Хотя кто-то другой, наверное, принял бы это как должное. Но в моем народе не принято выражать чувства таким образом. Я попытался оттолкнуть Фериус, но она лишь крепче прижала меня к себе и не отпустила.

– Вот видишь. Это-то меня и восхищает в тебе, малыш.

– То, что я постоянно чего-то боюсь?

– То, что ты не боишься ничего. Кроме одной-единственной вещи – потерять своих друзей.

Глава 14

Игра

Мы вернулись в пещеру под трактиром, и Фериус снова уселась за карточный стол. Рейчис время от времени кланчил у нее карты, а Нифения и Айшек наблюдали за игрой. Временами гиена рывкала или повизгивала; для меня эти звуки ничего не значили, но Рейчис тут же принимался многословно объяснять правила. Белкокот уже считал себя экспертом в тактике и стратегии карточных игр.

Путешественники приходили и уходили. Некоторые носили одежду, привычную мне, другие – совершенно незнакомую. Большинство гостей выпивали или играли в азартные игры. Некоторые маленькими группками собирались в темных углах и тихо переговаривались между собой. Отдельные люди стояли в одиночестве и явно кого-то ждали, а дождавшись – радостно бросались в объятия друзей.

Ближе к ночи пришли трое музыкантов, они играли на инструментах, каких я никогда не видел прежде, и пели незнакомые мне песни. Несколько человек встали и пошли танцевать – в парах или тройках. Другие же предпочитали отдыхать на диванчиках у дальней стены пещеры, куда не достигал свет фонарей и звуки музыки.

В зале появились юноши и девушки – слишком хорошо одетые и ухоженные, чтобы быть путешественниками. Они подходили к диванчикам и вели с гостями тихие беседы. Некоторые пары после этого удалялись рука об руку.

Парень с золотисто-каштановыми волосами до плеч приблизился к Нифении. Он прошептал ей что-то на ухо, и она рассмеялась. Через минуту они уже танцевали вместе.

– Тебя что-то беспокоит, малыш? – спросила Фериус.

– Нет. Все отлично.

Рейчис вспрыгнул ко мне на плечо и понюхал шею.

– Ревность. Пахнет примерно так же, как сожаление, только с горьковатым оттенком.

Я отпихнул его морду.

– Я не...

– Ты не – что? – уточнила Фериус.

– Ничего. Вообще ничего. Просто оставьте меня в покое.

Женщина, на пару лет старше меня (или, может, на пару десятилетий – трудно было разобрать под ее макияжем) вальжной походкой подошла к нам и заворковала над Рейчисом.

– Только взгляните! Вот это красавчик! Просто милашка!

Она говорила это белкокоту, но тем временем положила руку мне на грудь. Ее пальцы скользили по пуговицам моей рубашки. Рейчис же вовсе не обратил на женщину внимания: он вытянул шею, чтобы лучше видеть карты Фериус.

– Убери отсюда двуногую, Келлен. Она меня раздражает.

Не подозревая о недовольстве Рейчуса, женщина наклонилась к белкокоту, едва не касаясь его носа своим. Ее дыхание при этом щекотало мою шею...

– Готова поспорить: женщины то и дело спрашивают, можно ли погладить его по шерстке.

Белкокот фыркнул.

– Келлен, скажи ей, что она пахнет тремя разными мужчинами и по меньшей мере двумя женщинами. И что ей, вообще-то, следовало бы принять ванну, прежде чем...

– Может, ты заткнешься? – спросил я.

Глаза жрицы любви расширились, и она вlepила мне пощечину.

Я остолбенел. Был потрясен и недоумевал, но все же, несмотря на собственные переживания, я успел увидеть боль в ее глазах – пусть это и длилось какой-то миг.

И да – девушка действительно была не сильно старше меня. Отчего-то мне вдруг стало нестерпимо стыдно.

– Я говорил с белкокотом, – сказал я как можно убедительнее.

– Не обижайся, милая, – сказала Фериус. – Этот парень становится капризным, если не выпался. А вот я останусь тут надолго. Не сходишь ли за выпивкой? Притащи нам самый большой поднос, который найдешь. А через часик-другой можем встретиться в моей комнате. Идет?

Она кинула жрице любви монету. Ее диск сиял чистым золотом, а в центр был вправлен мерцающий изумруд. Девушка поймала монету и сжала в кулаке. На ее губах снова заиграла улыбка. Она глянула на Фериус с удивлением и восхищением.

– Звучит недурно, – ответила жрица любви, и в ее голосе внезапно послышался акцент, присущий аргоси.

Отчего-то я почувствовал раздражение. Создавалось впечатление, будто эти двое издеваются надо мной.

Дождавшись, когда девушка уйдет, я спросил Фериус:

– И зачем ты пригласила ее к себе в комнату?

– А что? Женщина не может приятно провести время в хорошей компании? И потом: у меня ломит плечи, а эта братия творит истинные чудеса в плане массажа.

– Она же... Это предосудительно.

Да, я знал, что Фериус мои слова не понравятся. В свою защиту могу сказать, что, у джен-теп проституция запрещена.

Впрочем, меткие маги у нас тоже не в чести.

Фериус пронзила меня взглядом.

– Эта девушка не сделала тебе ничего плохого. И я тоже, если уж на то пошло. Позволяй иногда другим людям жить так, как им нравится, даже если это не нравится тебе. Все равно ты ничего не можешь им дать – и тебе нечего у них взять.

«Путь аргоси – это Путь Воды», – напомнил я себе. Фериус не первый раз преподавала мне этот урок. И вроде бы ничего тут сложного нет. Но усвоить его было не легче, чем удержать между пальцами дождевые капли.

– Ты права, – сказал я, сгоняя Рейчуса и поднимаясь со стула. – Надо бы пойти и извиниться перед ней.

Фериус поймала меня за руку.

– Эта девушка сейчас улыбается. У нее в кулачке больше денег, чем она зарабатывает за месяц. Оставь ее в покое.

– Но она думает, что я...

– Грубиян с дурным характером, самовлюбленный простачок, не стоящий ее внимания. В данный момент это не так уж далеко от истины. Думаешь, твои извинения пойдут ей на пользу? Или, может, на самом деле они нужны тебе самому, чтобы успокоить совесть?

Я хотел возразить, но, прежде чем успел раскрыть рот, Фериус достала карту. Она была старая и потрепанная, нарисованная в черно-красных тонах. Карта из колоды долгов, которую Фериус всегда носила с собой.

– На этом закончим урок.

Я неохотно взял карту. В черно-красной колоде были иные масти, нежели во всех остальных. В данном случае картинка изображала пару выющихся растений с острыми блестящими шипами. Подпись внизу гласила: «Двойка тернов».

– Что она значит? – спросил я.

– Она значит: не груби незнакомцам, – отозвалась Фериус. А потом снова вернулась к игре.

Нифения закончила танцевать, подошла к нам и сказала, что они с Айшеком уходят – раздобыть что-нибудь поесть. Я чуть не спросил, не собирается ли жрец любви присоединиться к их компании, но вспомнил о карте в руке и промолчал. Маленькая победа над собой.

Рейчис с Айшеком немного поворчали друг на друга, а потом белкокот объявил, что ему надо побродить по пещере и изучить другие игры. Я подозревал, что на самом деле Рейчис просто ищет возможность стянуть монетку-другую у зазевавшихся картежников. Может, карты и заинтересовали его, но более всего на свете белкокоты любят воровать.

У Фериус, должно быть, возникла та же мысль. Усмехнувшись, она сказала мне:

– Этот типчик нигде не пропадет...

Она бросила взгляд мне за спину, и улыбка исчезла с ее лица. Я обернулся. Руки уже тянулись к мешочкам на поясе.

«Хватит! – подумал я, ощущая под пальцами крупинки порошков. – Я больше не допущу, чтобы Фериус пострадала из-за меня».

Их было двое. Они шли к нам неторопливой походкой. Никто не обращал на них внимания – может, потому что и смотреть-то было особо не на что. Мужчина в простой дорожной одежде. Застиранный рубашка когда-то имела цвет спелой пшеницы, но он давно выцвел и поблек. Темные поношенные штаны. Коротко остриженные седые волосы, давно не знавшие гребня... Женщина выглядела немногим лучше, хотя ее костюм претендовал на некоторую элегантность.

– Не возражаете, если мы присядем на несколько партий? – спросила она.

Мужчина плюхнулся на стул, не дожидаясь ответа.

Я посмотрел на Фериус. Она снова улыбалась.

– Пара лишних ставок никогда не помешает.

Я высыпал порошки обратно в мешочки, однако продолжал пристально наблюдать за стариками. Не исключено, что они – аргоси, так что я смотрел внимательно. И все же миновал почти час, прежде чем я понял, что за нашим столом идут две разные карточные игры. Одна шла между всеми игроками, а другая – между Фериус и стариком.

Как я догадался? Ну, недаром я целый год провел рядом с Фериус Перфекс, глядя, как она управляется с картами. Я видел, как она играет. Как она использует карты вместо оружия. Или просто задумчиво вертит их в руках с отрешенным видом, словно медитируя. Но вот чего я не видел никогда – так это чтобы она потрудилась заглянуть в собственные карты во время игры. Однако в этот раз Фериус смотрела на них неотрывно и долго раздумывала, прежде чем сделать ход.

Другие игроки не придали этому особого значения, только кто-то отпустил шуточку: дескать, похоже, удача покинула ее.

– Ну так как, разыграешь карты? – спросил старик. – Или думаешь, если будешь долго пялиться на них, они превратятся во что-нибудь получше?

Я следил за игрой, забывая даже моргать. Потому-то и заметил, что произошло. Фериус наконец-то бросила на стол карту, но она была, казалось, немного толще остальных. Старик положил поверх одну из своих, но, когда он убрал руку, нижняя карта Фериус исчезла. Затем некоторое время игра шла как обычно. Потом Фериус подняла свою кружку, сделав глоток пойла, и я заметил краешек карты, выглядывающий из-под манжеты ее рубашки. Старик не отстал. Он похлопал по столу ладонью, показывая раздатчику, что ему нужна новая карта. А попутно вытащил карту из стопки сброса и спокойно рассмотрел ее – так, что никто ничего не заметил. Мимходом он шлепнул свою спутницу по коленке – и карта исчезла. Наверняка осталась у женщины, чтобы та тоже могла ее рассмотреть. Увидев, что я наблюдаю за его манипуляциями, старикан подмигнул мне.

«Определенно, аргоси», – подумал я. Все то время, пока остальные играли в какую-то разновидность покера, Фериус и престарелая пара неприметно общались на языке карт, говоря друг другу то, что не могли сказать слова.

Затем – столь же неожиданно, как они и пришли, – старики забрали свои оставшиеся монеты и без единого слова прощания направились к выходу. К моему удивлению, Фериус окликнула их:

– Не хотите выпить? Тут подают дароменский виски. Говорят, даже мертвые поднимаются из могил, чтобы его попробовать.

Приглашение было довольно невинным, но для моих ушей оно прозвучало странно... каким-то диссонансом. Видно, так показалось и старикам. Мужчина приостановился и, не обращившись, ответил:

– Уже поздно. Ветер дует. И в мире полно того, что можно выпить.

– Как угодно, – сказала Фериус и вернулась к игре. Она мурлыкала в такт музыке и с улыбкой кидала карты на стол. Казалось, это самая счастливая ночь в ее жизни.

Но никогда еще я не видел ее такой грустной.

Глава 15

Следопыт

Я понятия не имел, что произошло между Фериус и двумя аргоси, и это не давало мне покоя. Не дожидаясь, пока Фериус меня остановит, я выскочил из зала и ринулся вверх по лестнице.

На улице пришлось помедлить несколько секунд, пока глаза не привыкли к темноте. А потом я опустился на колени, пытаюсь найти следы пожилой пары. Отпечатков ног вокруг было несчетное количество, но я приглядывался не столько к форме, сколько к узору.

«Вот вы где!» – подумал я.

Две цепочки следов, уходящих в одном направлении. Я пошел по пыльной дороге, двигаясь медленно и тихо – как порой делает Фериус. «Не шагай, – сказал я себе, – а танцуй. Скользи по земле, как аргоси».

Ну, со стороны я выглядел, наверное, не очень. Как человек, пьяный в стельку, который шатается из стороны в сторону, чувствуя себя гарцующим пони. Думаю, я преодолел футов пятьдесят – а потом ноги подкосились, и я рухнул на дорогу.

– Я всегда говорил: сперва надо обучать проницательности, а потом уж отваге, – изрек старик, глядя на меня сверху вниз.

Я попытался встать, но ноги подгибались и не держали меня. Что-то кольнуло меня в затылок. Я с трудом поднял руку и нашарил там что-то. Мир вокруг меня был мутным и нечетким, но, когда я поднес шутовину к глазам, она оказалась чем-то вроде небольшого шипа. Я поднял взгляд на старика.

– Ты меня отравил!

– Ну-ну, не надо плакать и звать свою джен-тепскую мамочку. Все пройдет через пару минут.

Женщина ткнула спутника кулаком под ребра.

– Остановить его было правильным решением. Дразнить – нет.

– Я вот сейчас покажу тебе дразнилку, – сказал я.

Ну, прошамкал по крайней мере.

Сапог мужчины уперся мне в поясницу.

– Лежи смиренно. Почему ты вообще решил нас выследить? Да еще так хреново владея арта туко?

Фериус редко использовала правильные термины, но я припоминал, что арта туко – это талант аргоси к проницательности. Что ж, моя проницательность, очевидно, оставляла желать лучшего.

– Я хотел узнать, кто вы.

– Для тебя – никто. Ветерок, пролетевший мимо тихим вечерком.

– Тогда кто вы для Фериус?

– Даже меньше, чем никто, если она скрывается. И нечто гораздо худшее – если нет.

Мужчина вдруг пошатнулся, и давление на мою поясницу исчезло.

– Ну хватит этой белиберды, – сказала женщина и посмотрела на меня. – Мы уходим, юноша. И не будет пользы ни тебе, ни Полевой Ромашке, если ты снова попытаешься нас разыскать.

Она увлекла мужчину дальше по дороге, но чуть приостановилась и кинула через плечо что-то маленькое и блестящее. Оно упало в дюйме от моего носа и закружилось вокруг своей оси. Монетка. Черная с одной стороны, серебряная с другой. Очень мило. Хотя монета могла мне просто привидеться. Мало ли – вдруг этот яд из шипа вызывает галлюцинации?

Я рассматривал чеканку монеты. На одной стороне был изображен ключ, на противоположной – замок.

– Что это?

– Ты всего лишь хотел помочь своему другу, – отозвалась женщина, – а мы в ответ причинили тебе боль. Мы не можем искренне попросить прощения, потому что сделаем так снова, если ты продолжишь преследовать нас. Пусть монета будет небольшим прощальным подарком.

Престарелая пара снова зашагала по дороге. А мне вдруг вспомнились слова Фериус, сказанные у черного океана, когда я заблудился среди Теней.

– И кто из вас идет путем Странствующего Чертополоха?

Я услышал, как женщина рассмеялась.

– Видишь? Она говорила, что мальчик умен.

– Не настолько уж, – ответил мужчина и крикнул мне: – Мы оба идиоты.

К тому времени, когда я вернулся в свою комнату на втором этаже трактира, даже мое чувство любопытства притупилось от усталости. Рейчис уже лежал на кровати, свернувшись клубочком.

– Ты ушел без меня, – сердито проворчал белкокот.

– Не хотел мешать тебе воровать чужие вещи.

Он пронзил меня взглядом глазок-бусинок.

– У тебя рубашка вся в пыли. Это те двое аргоси, верно?

Интересно, как Рейчис узнал, что они аргоси? Может, по запаху.

– Ничего. Я в порядке.

– Хочешь, я убью этих двух голокожих? Только скажи, Келлен.

Рейчис постоянно говорит что-нибудь в таком роде. Но сейчас он, казалось, был серьезен.

– Что это на тебя нашло?

Он отвернул морду.

– Ничего. Не бери в голову. В следующий раз можешь дать себя убить, на здоровье. Мне плевать.

Я слишком устал, чтобы с ним препираться, а потому просто запер дверь и на всякий случай подсунул под дверную ручку спинку стула.

Масляная лампа возле оказалась снова полна до краев. Я закрыл окно и повесил на место шторы. До рассвета оставалось не так долго, и пусть я боялся снова потеряться в Тенях, но яркий свет дня будет мешать мне спать.

На дороге послышались шаги. Я глянул за окно и увидел две фигуры. Они шли, держась за руки. Нифения. И один из парней, с которыми она танцевала. В голову полезли недобрые мысли, но я снова вовремя вспомнил о двойке тернов в кармане.

И потом: Нифения ничего мне не должна. Мы не давали друг другу никаких обещаний. Когда я узнал, что она обручилась с Панакси – или Панэратом, как он звался теперь, – я понял почему. Ниф шла вперед, как и я сам. Вскоре после этого я встретил Сенейру и ненадолго поверил, что между нами может что-то быть. Глупо. Я – изгой. Черные линии проклятия окружают мой левый глаз, а за мою голову назначена награда. Никому не нужны лишние проблемы.

– Фу! – Рейчис понюхал воздух и зарылся носом в подушку.

– Что не так?

– Жалость к себе воняет еще хуже, чем ревность.

Я снял штаны и забрался под одеяло.

– А знаешь, что пахнет даже хуже жалости к себе? Белкокоты!

Рейчис свернулся возле меня, отжав себе большую часть кровати.

– Когда ты уснешь, я нагажу тебе под одеяло.

Я бы считал это подколкой, если бы не знал, что порой Рейчис может угрожать всерьез. Чтобы разрешить ситуацию, требовалась острота ума лорд-мага и хитрость аргоси. Ну, или можно просто взять Рейчиса «на слабо».

– Конечно нагадишь, – ответил я. – Не удержишься. Все знают, что у белкокотов слабый мочевого пузырь.

Он тут же вскинул голову. Глазки-бусинки гневно смотрели на меня.

– Возьми свои слова назад! У меня отличный мочевого пузырь. Все под контролем!

Я пожал плечами.

– Ну, если ты так говоришь...

Рейчис спрятал нос в шерсти на груди и немного повозился, устраиваясь поудобнее. Я уже уплывал в сон, когда услышал, что он снова заговорил.

– Она приходила сюда и заново наполнила лампу маслом.

– А? Кто?

– Нифения. Это она сняла шторы и принесла лампу, чтобы ты не проснулся в темноте. Я чую на лампе ее запах. А потом она снова наполнила ее. Она заботилась о тебе с тех пор, как мы покинули пустыню.

– Она говорила, что вы делали это по очереди.

– Мы все были изранены, а от этих дурацких лекарств из сумки Фериус только еще больше спать хотелось. Какая уж тут помощь... Это я должен был тебя охранять, Келлен. Я твой деловой партнер. Но я не мог. Я был слишком слаб. Нифения присматривала за тобой. Каждую ночь.

Я не знал, что сказать. Рейчис казался сейчас каким-то... очень уязвимым. В конце концов я ответил:

– Думаю, ты задолжал мне пару свежих кроликов.

Он коротко фыркнул.

– Одного. Так и быть: одного кролика.

Я чувствовал, как его маленькое тело, прижавшееся к моей груди, мало-помалу расслабляется.

– Спокойной ночи, голокожий.

– Спокойной ночи, Рейчис.

Глава 16

Ни прямо, ни ровно

Вряд ли я проспал более нескольких часов, а проснулся от того, что кто-то звал меня по имени. Да еще хвост белкокота щекотал мне нос.

Я отпихнул Рейчиса и увидел Фериус. Она стояла возле кровати, держа набитые седельные сумки.

– Мы куда-то едем?

Фериус села на стул – тот самый, которым я заклинил ручку двери, чтобы в комнату никто не вошел...

– Пора двигаться, малыш. Ты очухался после происшествия с Черной Тенью, белкокот и гиена почти здоровы, а это место гораздо дороже, чем кажется. Надо седлать лошадей и идти, куда нас приведет дорога.

Я приподнялся на локте.

– А что насчет Нифении? Она едет?

– Не знаю. Не спрашивала.

То, как Фериус сказала это – безразлично и почти презрительно, вызвало во мне чувство протеста. Впрочем, я тут же вспомнил, что чаще всего, когда Фериус злит меня, она просто не хочет, чтобы я задавал правильные вопросы.

– Что за аргоси были здесь прошлой ночью?

– Аргоси? – Фериус демонстративно оглядела комнату. – Кто-то впустил сюда аргоси? Куда катится мир?

– Я видел, как вы с ними менялись картами. Что ты узнала?

Она заложила руки за голову и облокотилась на спинку стула, прикрыв глаза.

– Да всякая ерунда в основном. Тут – торговый конфликт. Там – новый дароменский правитель... О, и какой-то клан джен-теп решил устроить войну с соседями.

– Что? Какой клан?

– Не твой. Хотя, если вдуматься, я не знаю, о каком клане шла речь. Карты не всегда дают точную информацию.

– Тогда зачем вообще их использовать? Почему нельзя просто...

– Потому что это не путь аргоси.

Так она отвечала почти всегда. Особенно если, как сейчас, заходил разговор об ее драгоценных картах. Подобные диспуты заканчивались одинаково – Фериус говорила мне: слова позволяют только описать вещи, но не раскрывают их глубинную суть. Каким-то образом с помощью карт аргоси говорят о том, что они поняли, и о том, чего не поняли. На самом деле они обмениваются не только картами или последовательностями карт; сами способы, которыми аргоси передают карты друг другу, дают представление о важных особенностях значимых событий и людей.

Да, я тоже до сих пор не понял, о чем это вообще.

– Последняя карта, – сказал я. – Та, которую они дали тебе перед самым уходом. Ты никак не могла успеть ее вернуть. Что там?

Фериус ухмыльнулась.

– Это заметил бы один из тысячи, да и то не всякий. Кажется, от тебя ничего не ускользает.

На самом деле от меня ускользает буквально все, но комплимент был приятен. Я покраснел. Я постоянно злюсь на себя за то, что мне так нравятся ее похвалы. Потому, наверное, стоит радоваться, что это происходит крайне редко. Да и то в большинстве случаев она просто пытается меня отвлечь.

– Хватит уже ходить вокруг да около. Покажи карту.

Фериус вынула руки из-за головы и сделала несколько странных пассов.

– Властью огня и железа, песка и шелка, крови и дыхания, пусть откроется правда!

Она соединила руки. Ничего не произошло.

– Ты издеваешься, что ли?

– Глянь вниз, малыш.

На одеяле передо мной рубашкой вверх лежала карта.

– Какой-то закон аргоси предписывает вам постоянно потешаться над нашей магией?

– На длинных дорогах не так уж много потех, малыш. Развлекаемся как можем.

Ну да. Надираетесь, режетесь в карты и проводите время со жрецами любви.

Я взял карту и рассмотрел ее повнимательнее. Рубашка была неприметной, узор не слишком отличался от ему подобных на других виденных мной колодах аргоси.

А картинка?

У меня перехватило дыхание. Она была прекрасна. Вычурная – и одновременно изящная. Фериус – искусная художница, но тут стиль был совсем иным. Богатые цвета – множество оттенков красного, синего и зеленого. Черный, серый и коричневый перетекали друг в друга так плавно, что едва можно было уловить. Мазки кисти были четкими, линии – тонкими и плавными, словно художник просто позволил кисти двигаться, куда она сама пожелает.

Сперва мне показалось, что картина изображает птицу, слетающую с пышного дерева, где листья цвета золота и меди росли на серебристых ветвях. Однако вскоре я понял, что художник изобразил не живые листья. Это были искусно обрезанные кусочки металла. То же касалось ствола и веток. Вглядевшись, я увидел, что и сама птица сделана из металла. Крылья, ноги, перья – все было изумительно тонкой работой искусного мастера.

– Механическая птица? – спросил я.

Фериус кивнула.

– Похоже на то.

Стиль рисунка показался мне знакомым. Он напоминал изображения на коврах и фарфоровых тарелках, которые торговцы иногда привозили в наш город. Это-то и позволило мне определить регион.

– Она гитабрианская, да?

– Я тоже так думаю.

Именно в Гитабрию мы и направлялись, когда попали в переделку с правоверными берабесками. У нас был блокнот, отобранный у Дексана Видериса, где он отмечал всех людей, зараженных обсидиановым червем. Имя последней жертвы не было указано, зато упоминалось место – Казаран. Столица Гитабрии.

– Пока вы играли в карты, ты рассказала тем двум аргоси, чем мы занимались и куда направляемся теперь. Потому они и дали тебе эту карту?

Фериус не потрудилась подтвердить или опровергнуть мою версию, но я был уверен, что прав.

– Итак, аргоси дали тебе еще какое-то поручение в Гитабрии. Значит, они либо пришли оттуда сами, либо получили карту от другого аргоси. Полагаю, нам предстоит выяснить, что она обозначает?

Фериус снова прикрыла глаза.

– Я нужна тебе для этого разговора, парень? Кажется, ты успешно ведешь его сам с собой.

– Но я думал, что дискордансы изображают людей или события, которые могут изменить ход истории. Изменить или даже уничтожить целые цивилизации.

– В теории.

– И как, в теории, нечто подобное может сделать механическая птица?

Фериус, так и не открыв глаза, усмехнулась.

– Это и есть путь аргоси, малыш. Ни прямой, ни ровный.

Я снова посмотрел на карту. Меня раздирали противоречивые чувства. Я был очарован красотой картинки и раздражен этой манерой все запутывать и усложнять. Тем, что и было неотъемлемой частью пути аргоси.

Я вылез из постели, на сей раз вспомнив о штанах, и успел одеться к тому времени, когда в комнату вошли Нифения и Айшек.

– Вы двое до сих пор не готовы? Мы стоим у лошадей уже полтора часа!

– Ты же вроде как не сказала ей, что мы уезжаем? – спросил я Фериус.

– Разумеется, я еду, – сказала Нифения, взяв у меня дискорданс. – Фериус мне все рассказала о нашем задании в Гитабрии. Нужно выяснить все о механической птице. До столицы девять дней пути, и нельзя терять ни один из них, если мы хотим успеть на Большую Выставку.

– Большое что? – Я обернулся к Фериус. – И что еще ты рассказала Нифении, но не потрудилась поведать мне?

– Девушка права, – отозвалась аргоси. – Нам лучше тронуться в путь.

Я был так зол, что едва не забыл прихватить вещи, выходя из комнаты. Рейчис потрусил следом, держа в зубах свою маленькую сумочку для сокровищ.

– Может, как-нибудь сыграем в покер, Келлен? Ты порой такой олух.

– А? Почему?

Белкокот не ответил. Да этого и не требовалось. Я снова позабыл кое-что важное насчет Фериус Перфекс: если она заставляет тебя злиться – это для того, чтобы ты не задавал правильные вопросы. Сегодня утром она поступила так дважды. Ясное дело, ей не очень-то хотелось, чтобы я расспрашивал о двух аргоси, которые так ее расстроили.

«Отлично, – подумал я, закрывая за собой дверь. – Храни свои тайны, Фериус. Я сам найду ответы».

Глава 17

Восемь мостов

Столица Гитабрии не была похожа ни на один город, который я когда-либо видел. Он был разделен пополам огромным ущельем; на утесах стояли спиралевидные башни, а широкие проспекты Казарана тянулись вдоль самого края пропасти. Вырезанные в толще двухсотфутовых скал и красиво украшенные скульптурами, дома – дворцы, вернее было бы сказать, – смотрели вниз, на гавань и флот торговых кораблей.

Изящно одетые горожане выходили на каменные веранды своих домов и с них переступали на деревянные платформы, подвешенные на канатах с помощью сложной системы блоков и противовесов. Платформы плыли над пропастью и заканчивали свой путь на одном из восьми огромных мостов, переброшенных через ущелье.

– Их называют арками Казарана, – объяснила Фериус. – Иноземные купцы преодолевают тысячи миль, просто чтобы пересечь их. Гитабрианцы любят говорить: дескать, на каждом мосту столько чудес, что можно потратить целый год, рассматривая лишь один из них, и что это приносит душе облегчение. Не знаю, как насчет души, но вот кошелек точно облегчится. Лорды-торговцы гордятся тем, что никто не уходит с моста, не оставив там хотя бы монету.

– А что они продают?

Фериус кивнула на огромный деревянный подвесной мост с высокими, красиво изукрашенными башнями и живыми деревьями, которые странным образом вросли в мост корнями. Здесь раскинулся рынок – десятки и десятки пестрых лотков и прилавков.

– Лесной мост, – сказала Фериус. – Экзотические фрукты и овощи, морские деликатесы и специи, которые стоят золота по своему весу.

Я был так заворожен этим зрелищем, что не мог отвести взгляд. Но Фериус уже указывала на следующий мост. Этот был попроще – более строгий, каменный с мраморными перилами. Мужчины и женщины в просторных белых одеяниях с синей полосой на плече стояли на маленьких постаментах. Каждого окружала толпа.

– Мост Исцеления. Эти милые ребята в балахонах вмиг поставят диагноз и продадут лекарство от любой болезни, которой ты страдаешь. И, может, еще от парочки хворей, которых у тебя нет и не было.

Рейчис дернул меня за штанину. Я опустил взгляд и увидел, что он зачарованно смотрит на третий мост. Он был заполнен богато одетыми купцами, продающими драгоценные камни и ювелирные украшения.

– Эй, Келлен, я тут немного погуляю, лады? А ты найди нам еще одну лошадь. Может, заодно и тележку? Очень большую тележку.

Я встряхнул его.

– Ты не будешь тут воровать, Рейчис.

У Нифении, кажется, были те же проблемы, потому что она крепко держала Айшека за шкуру, не давая ему сбежать. Очевидно, у гиен и белкокотов есть кое-что общее.

– Как насчет остальных мостов? – спросила Нифения у Фериус. Казалось бы, невинный вопрос, но аргоси взглянула на нее с пониманием.

– Думаю, тот, который ты ищешь, – вон там.

Она указала на узкий мост с перилами в виде серебряных столбиков и натянутых между ними канатов в медной оплетке. Здесь было в разы меньше покупателей, зато они выглядели самыми богатыми из всех, кого мы видели.

– Мост Чудес, – сказала Фериус. – Потому ты и увязалась за нами, да?

– А я ничего не скрывала, – ответила Нифения. – Просто никто из вас не потрудился спросить, каковы мои планы.

– погоди, – сказал я. – Ты уже бывала тут? До того, как встретила с нами?

Нифения кивнула.

– Гитабрианцы любят брать с собой заколдованные вещи – амулеты, – когда едут торговать за океаном. Замки с сигнализацией, подслушивающие устройства и всякие такие интересные штуки. Они дарят их клиентам, чтобы те охотнее соглашались на сделки. Творец амулетов может тут неплохо устроиться.

Нифения посмотрела мне в глаза и, должно быть, поняла мои чувства, потому что опустила ладонь на мою руку.

– Я не покидаю тебя, Келлен. Нужно время, чтобы найти покровителя и получить разрешение открыть магазин на Мосту Чудес. А до тех пор буду помогать вам с Фериус распутать дело о механической птице.

– Так... А вот тут у нас будут проблемы, – сказала Фериус, ведя лошадей по широкому проспекту.

В дальнем его конце возвышался огромный амфитеатр. Гигантская толпа людей у ворот ожидала разрешения войти.

– Большая Выставка – самое вероятное место, где может быть эта птица. Но нас не пустят внутрь без особой монеты.

– Серьезно? – спросил я, ощущая внезапное раздражение. – Ты выиграла кучу денег в трактире скитальцев. Только не говори, что уже спустила их все.

– Я не сказала: «деньги». Я сказала: «монета». На выставку допускаются только особо приглашенные гости. Лорды-торговцы выдают специальные монеты членам иностранных делегаций или своим друзьям – в знак особого расположения. Попытайся войти без монеты, и тебя схватит тайная полиция Гитабрии. А знаешь, что это за люди? По сравнению с ними правдивые берабески – невинные овечки.

– Так как ты собираешься попасть внутрь? – спросила Нифения.

– Я надеялась, что мы доберемся сюда пораньше и я подцеплю какого-нибудь лорда-торговца на мосту Игральных Костей. Я бы сделала несколько ставок и – как знать, – возможно, заполучила бы монетку. – Фериус печально посмотрела на темнеющее небо. – Но времени уже нет.

Я улыбнулся. Потому что в этот раз – один-единственный раз – оказалось, что именно я, и только я, могу решить нашу проблему.

– Ладно, поглядим, что можно сделать с помощью маленького заклинанища джен-теп.

Копируя Фериус, я сделал в воздухе несколько нелепых пассов руками.

– Властью песка и шелка, крови и дыхания, железа и огня, пусть правда будет открыта!

– Келлен? С тобой все в порядке? – спросила Нифения, глядя на меня так, словно я был пьян.

Фериус же слегка усмехнулась.

– Неплохо, малыш. Но в следующий раз используй отвлекающий маневр половчее.

Она потянулась к переднему карману плаща и вынула черно-серебряную монету, которую я туда сунул. Рассмотрела символы замка и ключа... И на ее лице отразились совсем не те чувства, которые я ожидал. Казалось, монета не обрадовала Фериус, а встревожила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.